

Т.Н. Медведева

**ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ
В ЛИНГВИСТИКЕ**

Т.Н. Медведева

**ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ
В ЛИНГВИСТИКЕ**

Учебное пособие

Саратов
ИЦ «Наука»
2010

УДК 81'33 (075.8)

ББК 81.1-923

М 42

Медведева Т.Н.

М 42 Формальные модели в лингвистике: Учебное пособие / Т.Н. Медведева. – Саратов: Научная книга, 2010. – 56 с.

ISBN

Пособие предназначено для студентов III курса специальности 021800 (031301) «Теоретическая и прикладная лингвистика».

Рекомендовано к печати кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

УДК 81'33 (075.8)

ББК 81.1-923

Работа издана в авторской редакции

ISBN

© Медведева Т.Н., 2010

Тема 1. Понятие формальной модели. Классификация моделей

МОДЕЛЬ (франц. *modèle*, от лат. *modulus* – ‘мера’) в языкознании – искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощенном виде) поведение какого-либо другого («настоящего») устройства (*оригинала*) в лингвистических целях.

Лингвистическое моделирование необходимо предполагает использование *абстракции* и *идеализации*. Всякая модель строится на основе *гипотезы* о возможном устройстве оригинала и представляет собой функциональный *аналог* оригинала, что позволяет переносить знания с модели на оригинал. Критерием адекватности модели служит практический *эксперимент*.

В идеале всякая модель должна быть *формальной* (т.е. в ней должны быть в явном виде и однозначно заданы исходные объекты, связывающие их отношения и правила обращения с ними) и обладать *объяснительной силой* (т.е. не только объяснять факты или данные экспериментов, необъяснимые с точки зрения уже существующей теории, но и предсказывать неизвестное раньше, хотя и принципиально возможное поведение оригинала, которое позднее должно подтверждаться данными наблюдения или новых экспериментов).

Понятие лингвистической модели возникло в структурной лингвистике (К.Л. Бюлер, З.З. Харрис, Ч. Хоккет), но входит в научный обиход в 60-70-е гг. XX века с возникновением математической лингвистики и проникновением в языкознание идей и методов кибернетики.

Ю.Д. Апресян различает *три типа моделей*, в зависимости от характера объекта:

1) *модели речевой деятельности* человека, имитирующие конкретные языковые процессы и явления;

2) *модели лингвистического исследования*, имитирующие те исследовательские процедуры, которые ведут лингвиста к обнаружению того или иного языкового явления;

3) *метамодели*, имитирующие теоретическую и экспериментальную оценку готовых моделей речевой деятельности или лингвистического исследования.

В зависимости от того, какая сторона владения языком является предметом моделирования, модели речевой деятельности подразделяются на *модели грамматической правильности*, имитирующие умение отличать правильное от неправильного в языке, и *функциональные*, имитирующие умение соотносить содержание речи (план содержания) с ее формой (планом выражения).

В зависимости от типа информации на «входе» и на «выходе» модели грамматической правильности подразделяются на *распознающие* и *порождающие*. Распознающая модель (например, «категориальная грамматика» К. Айдукевича) получает на «входе» некоторый отрезок текста на естественном языке или его абстрактное представление на искусственном языке и дает на «выходе» ответ, является ли данный отрезок грамматически правильным или аномальным.

Порождающая модель (например, «порождающая грамматика» Н. Хомского) является *обратной* по отношению к распознающей. Критическое преодоление первой версии «порождающей грамматики» Хомского привело к созданию модели *порождающей семантики* (Дж. Лакофф), имеющей много общего с моделями говорения, или синтеза.

В зависимости от того, какой аспект речевой деятельности моделируется – слушание или говорение, – функциональные модели подразделяются на *аналитические* и *синтетические*. Полная *аналитическая* модель некоторого языка получает на «входе» некоторый отрезок текста (обычно не меньше высказывания) и дает на «выходе» его смысловую запись (семантическое представление) на специальном семантическом метаязыке (т.е. его толкование). Полная *синтетическая* модель некоторого языка, являясь обратной по отношению к полной аналитической модели, на «входе» получает семантическую запись (изображение некоторого фрагмента смысла), а на «выходе» даёт множество синонимичных текстов на данном языке, выражающих этот смысл. Модели анализа и синтеза составляют необходимую часть модели перевода (в частности, модели автоматического перевода) и различных систем «искусственного интеллекта» (в частности, вопросно-ответных).

В многоуровневых функциональных моделях (например, в «стратификационной грамматике» С. Лэма, в модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст», в «функциональной порождающей грамматике П. Сталла) переход от плана выражения к плану содержания (анализ) и обратно (синтез) происходит поэтапно – через ряд промежуточных репрезентаций (уровней представления текста). Обычно выделяют фонетический (самый поверхностный), морфологический, синтаксический и семантический (саамы глубинный) уровни. Модель анализа задаёт лингвистические знания, используемые в алгоритмах анализа. Алгоритмы анализа позволяют перейти от некоторого более поверхностного уровня к более глубинному. Лингвистические знания, задаваемые синтезирующими моделями, используются в алгоритмах синтеза, позволяющих перейти от некоторого более глубинного уровня к более поверхностному. Модель, сопряжённая с алгоритмом, даёт новый формальный объект, называемый *лингвистическим процессором*. Лингвистические процессоры стали энергично развиваться в связи с созданием искусственного интеллекта.

Модель речевой деятельности – важнейший тип собственно лингвистических моделей. По отношению к ним модели лингвистического исследования и метамодели выполняют вспомогательную роль. Модели исследования предназначены для объективного обоснования выбора понятий, которыми лингвисты пользуются при изложении моделей речевой деятельности (например, грамматики того или иного языка). В идеале они сводят до минимума роль субъективного фактора в исследовании и являются в некотором смысле мериллом адекватности моделей речевой деятельности.

В зависимости от объёма исходной информации модели исследования подразделяются на *дешифровочные* и *экспериментальные*. При дешифровке в

качестве исходной информации используется ограниченный *корпус текстов*, и все сведения о языке модель должна извлечь исключительно из текстовых данных. В экспериментальных же моделях считается заданным не просто корпус текстов, но и всё множество правильных текстов данного языка. При проведении эксперимента лингвист прибегает к помощи информанта (носителя языка). Информантом может быть и сам лингвист, если он в совершенстве владеет изучаемым языком.

Метамодели представляют систему критериев и теоретических доказательств (метаязык), с помощью которых из нескольких альтернативных моделей, моделирующих одно и то же явление, можно выбрать лучшую. Первые шаги в разработке аксиоматических систем формальных определений лингвистических понятий были сделаны Л. Блумфилдом («Ряд постулатов для науки о языке», 1926) и Л. Ельмслевом («Пролегомены к теории языка, 1940), хотя термин «Модель» ещё не употреблялся. Метамодели, разрабатываемые математической лингвистикой, представляют собой математические теории, объектами которых являются не отдельные лингвистические понятия, а целостные модели языка.

Содержание термина «модель» в современной лингвистике в значительной мере охватывалось ранее (в особенности Ельмслевом) термином «теория». Считается, что наименование «модель» заслуживает лишь такая теория, которая достаточно эксплицитно изложена и в достаточной степени формализована (в идеале всякая модель должна допускать реализацию на ЭВМ).

Конструирование моделей – не только одно из средств отображения языковых явлений и процессов, но и объективный практический критерий проверки истинности наших знаний о языке. Применяясь в органическом единстве с другими методами изучения языка, моделирование выступает как средство углубления познания скрытых механизмов речевой деятельности, его движения от относительно примитивных моделей к более содержательным моделям, полнее раскрывающим сущность языка.

(Булыгина Т.В., Крылов С.А. Модель // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 304-305.)

Тема 2. История разработки формальных моделей

В XVII в. исследования в области языка вступили в новый этап. Во-первых, знакомство с новыми языками и культурами повлекло за собой создание многочисленных описаний конкретных языков, в том числе и «переводных грамматик». С другой стороны, осознание единства мира в его многообразии получило своеобразное преломление и в работах по теории языка. При этом намечается определенное размежевание между чисто философскими исследованиями и лингвистическими. Первые видят свою задачу в поисках идеального «философского» языка, с помощью которого можно было бы четко, ясно и од-

нозначно излагать научные истины. Разрабатываются принципы построения того, что в настоящее время получило название «языка науки». Работы подобного рода имели чисто дедуктивный и предписывающий характер: выяснялось, каким **должен быть** язык науки, или философский язык. В основе лингвистических исследований лежал индуктивный метод: явления конкретных языков рассматривались с точки зрения способности их выражать мысль, выявления общих моментов, присущих всем языкам.

Истоки идеи философского языка восходят еще к **Роджеру Бэкону** (1215-1294), который высказывался о несовершенстве естественного языка, рождающего помехи в деле познания истины. Несколько позднее испанский логик **Раймонд Луллий** (1234-1315) предложил идею создания «чистого» универсального философского языка, основанного на базе латинского. Для механизации, моделирования логических операций он создал «логическую машину», которая представляла собой ряд концентрических кругов с обозначениями разного рода общих понятий, их свойств, отношений и логических операций. Вращая эти круги, можно было получать различные комбинации понятий, эквивалентные разного рода суждениям. Число таких комбинаций a priori равняется $511^6 = 17\,804\,320\,388\,674\,561$ (сюда включаются и невозможные сочетания терминов). Благодаря использованию концентрических кругов это число сокращается до $9^6 = 531\,441$ возможных комбинаций исходных терминов.

При этом следует отметить, что Луллий впервые ввел **символизацию**, обозначая понятия буквами латинского алфавита. (В ироническом плане подобная «машина» была описана Дж. Свифтом в одном из путешествий Гулливера.)

Близки к идее философского языка рассуждения **Николая Кузанского** (1401-1464), который считал, что подлинное Имя всегда является Именем Сущности, однако в реальных, конкретных языках вместо него используются многочисленные случайные наименования. Задачей философа является проникновение к подлинному Имени, Сущности через случайные наименования.

Кроме того, Николай Кузанский считает, что существует некий исходный, или первичный, язык, состоящий из первичных знаков, которые не требуют никаких толкований, но используются для объяснения всех других понятий. Ему же принадлежит идея о том, что значения слов в языке мыслятся лишь в противопоставлении одно другому.

В XVII в. идея философского языка возрождается в трудах целого ряда философов. Так, **Френсис Бэкон** (1561-1626), развивая идею своего предшественника, пытался выявить характер человеческих заблуждений («идолов»), влияющих на правильность человеческого мышления. Среди них он отмечает «идолов рынка», связанных с неправильным употреблением слов естественного языка. Слова суть произвольные знаки понятий. Но слова могут выражать как истинные, так и ложные понятия. В этом недостаток слов естественного языка. Для «правильного» мышления должен быть создан «правильный» искусственный язык, очищенный от всяческих помех, от «неправильных» слов и исполь-

зующий только «правильные» слова. Иначе говоря, Бэкон видел путь к созданию философского языка через «очищение» естественного языка.

В основу своей концепции философской грамматики Фрэнсис Бэкон положил разработанные в его трудах принципы индуктивного, эмпирического метода познания. Бэкон выступил с идеей создания своеобразной сравнительной грамматики всех возможных языковых образований, в которой нашли свое отражение достоинства и недостатки всех языков, дабы сделать возможной выработку на этой базе путем межязыкового соглашения некоего общего и единого для человечества языка, который впитал бы в себя преимущества всех языков и, таким образом, явился бы идеальным вместилищем людских мыслей и чувств. По существу, у Бэкона речь шла о создании на базе наиболее распространенных европейских языков своего рода эсперанто, который мог бы выступить в роли совершенного средства общения. Эти соображения Бэкон излагает в работе «О достоинствах и усовершенствовании наук», вышедшей в 1623 г.

Ф. БЭКОН. О достоинстве и приумножении наук

Печатается по: Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1971. Т.1.

[Задачи философской грамматики.]

«Трактат «Об аналогии», написанный Цезарем, навел нас на мысль о создании некоей грамматики, которая бы тщательно исследовала не аналогию между словами, но аналогию между словами и вещами, т. е. смысл, однако не заходя в пределы толкований, принадлежащих собственно логике. Действительно, слова являются следами мысли, а следы в какой-то мере указывают и на то тело, которому они принадлежат. Мы наметим здесь общие контуры этого предмета».

[Идея создания сравнительной грамматики языков. Значение сравнительной грамматики для изучения своеобразия народов.]

«С нашей точки зрения, самой лучшей была бы такая грамматика, в которой ее автор, превосходно владеющий множеством языков, как древних, так и современных, исследовал бы различные особенности этих языков, показав специфические достоинства и недостатки каждого. Ведь таким образом языки могли бы обогащаться в результате взаимного общения, и в то же время из того, что есть в каждом языке самого лучшего и прекрасного, подобно Венере Апеллеса, мог бы возникнуть некий прекраснейший образ самой речи, некий великолепнейший образец того, как следует должным образом выражать чувства и мысли ума. *А вместе с тем при таком исследовании можно на материале самих языков сделать отнюдь не малозначительные (как, может быть, думает кто-нибудь), а достойные самого внимательного наблюдения выводы о психическом складе и нравах народов, говорящих на этих языках. <...>*

...почему греки так свободно создавали сложные слова, римляне же, наоборот, проявляли в этом отношении большую строгость? Из этого наверняка можно сделать вывод, что греки были более склонны к занятию искусствами, римляне же – к практической деятельности, ибо различия, существующие в ис-

кусствах, требуют для своего выражения сложных слов, тогда как деловая жизнь нуждается в более простых словах. А евреи до такой степени избегают всяких сложных образований в лексике, что скорее предпочитают злоупотреблять метафорой, чем прибегают к образованию сложных слов. И вообще в их языке очень мало слов, и эти слова никогда не соединяются, так что уже из самого языка становится совершенно ясным, что это был народ поистине назарейский и отделенный от остальных племен. А разве не заслуживает внимания тот факт (хотя, может быть, он и наносит некоторый удар самолюбию современных людей), что в древних языках существует множество склонений, падежей, спряжений, времен и т.п., тогда как современные языки почти совершенно утратили их и в большинстве случаев по лени своей пользуются вместо них предложениями и вспомогательными глаголами. И конечно, в этом случае легко предположить, что, как бы мы ни были довольны самими собой, приходится признать, что умственное развитие людей прошлых веков было намного глубже и тоньше нашего. Существует бесчисленное множество примеров такого же рода, которые могли бы составить целый том. Поэтому мы считаем, что есть все основания отделить философскую грамматику от простой школьной грамматики и отнести ее к числу дисциплин, развитие которых необходимо.

Мы считаем, что к грамматике относится также все то, что в какой-то мере касается слова, т.е. звук, метрика, размер, ударение. Правда, то, что служит первоисточником отдельных букв (т. е. то, какие именно артикуляции языка, рта, губ, горла образуют звук соответствующей буквы), не относится к грамматике, а является частью учения о звуках, которая должна рассматриваться в разделе о чувственных восприятиях и о чувственно воспринимаемом. Собственно же грамматический звук, о котором мы говорим здесь, имеет отношение лишь к благозвучию и неблагозвучию. Законы последних являются чем-то общим для всех. Ведь нет ни одного языка, который бы не стремился в какой-то мере избежать сочетаний нескольких согласных. Существуют и другие проявления законов благозвучия и неблагозвучия, но при этом различные явления для слуха одних народов оказываются приятными, для других – неприятными. Греческий язык изобилует дифтонгами, в латинском их значительно меньше. Испанский язык не любит узкие звуки и немедленно обращает их в средние. Языки, восходящие к готскому, тяготеют к придыхательным. Можно привести много аналогичных примеров, но этого, пожалуй, уже более чем достаточно».

[Препятствия на путях философского постижения мира.]

«Что же касается опровержения призраков, или идолов, то этим словом мы обозначаем глубочайшие заблуждения человеческого ума. Они обманывают не в частных вопросах, как остальные заблуждения, затемняющие разум и ставящие ему ловушки; их обман является результатом неправильного и искаженного предрасположения ума, которое заражает и извращает все восприятия интеллекта. Ведь человеческий ум, затемненный и как бы заслоненный телом, слишком мало похож на гладкое, ровное, чистое зеркало, неискаженно воспринимающее и отражающее лучи, идущие от предметов; он скорее подобен ка-

кому-то колдовскому зеркалу, полному фантастических и обманчивых видений. Идолы воздействуют на интеллект или в силу самих особенностей общей природы человеческого рода, или в силу индивидуальной природы каждого человека, или как результат слов, т. е. в силу особенностей самой природы общения. Первый вид мы обычно называем идолами рода, второй – идолами пещеры и третий – идолами площади».

[Несовершенства естественных языков – препятствия, мешающие философскому постижению мира.]

«Наиболее же тягостны идолы площади, проникающие в человеческий разум в результате молчаливого договора между людьми об установлении значения слов и имен. Ведь слова в большинстве случаев формируются исходя из уровня понимания простого народа и устанавливаются такие различия между вещами, которые простой народ в состоянии понять; когда же ум более острый и более внимательный в наблюдении над миром хочет провести более тщательное деление вещей, слова поднимают шум, а то, что является лекарством от этой болезни (т. е. определения), в большинстве случаев не может помочь этому недугу, так как и сами определения состоят из слов, и слова рожают слова. И хотя мы считаем себя повелителями наших слов и легко сказать, что «нужно говорить, как простой народ, думать же, как думают мудрецы»; и хотя научная терминология, понятная только посвященным людям, может показаться удовлетворяющей этой цели; и хотя определения, предпосылаемые изложению той или иной науки (по разумному примеру математиков), способны исправлять неверно понятое значение слов, однако все это оказывается недостаточным для того, чтобы помешать обманчивому и чуть ли не колдовскому характеру слова, способного всячески сбивать мысль с правильного пути, совершая некое насилие над интеллектом и, подобно татарским лучникам, обратно направлять против интеллекта стрелы, пущенные им же самим. Поэтому упомянутая болезнь нуждается в каком-то более серьезном и еще не применявшемся лекарстве».

Бэкон выдвинул положение о том, что наряду с естественным языком в человеческом обществе имеются средства, обладающие свойствами, позволяющими использовать их в функциях, которые выполняет естественный язык. В качестве таковых может выступать все то, что воспринимается органами чувств и наделено достаточным набором дифференциальных признаков для различения и выражения всего многообразия понятий. Свою мысль Бэкон иллюстрирует, между прочим, на примере монет. Он сравнивает слова с монетами, которые в принципе сохраняют свою основную функцию, независимо от металла, из которого они сделаны, что подчеркивает условный характер знака.

Несколько позднее **Джон Локк** (1632-1704) указывал, что если сравнить различные языки, то станет очевидным, что они обнаруживают глубокие различия прежде всего в области общих идей. «Связи между словами и вещами не яв-

ляются универсальными; познание вещей, если оно стремится к универсальной значимости, обязательно должно отрываться от слов конкретного языка».

Томас Гоббс (1588-1679) рассматривал процесс научного мышления как своеобразное исчисление понятий. При этом понятия могут быть как простыми (элементарными), так и сложными. Последние получаются в результате сложения простых понятий. Так, понятие «человек» есть результат сложения понятий «тело», «одушевленное» и «разумное»; понятие «планета» = «небесное тело» + «светящее отраженным светом». Главная задача – выявить элементарные понятия.

Рене Декарт (1596-1650) полагал, что все исходные, элементарные понятия можно расположить в определенном порядке подобно **естественному ряду чисел**. Как известно, все бесконечное разнообразие чисел получается в результате комбинаций всего лишь **десяти цифр**. При этом очевидно, что можно научиться **за один день** называть **все числа** на любом иностранном языке. Точно так же вся система понятий может быть сведена к незначительному числу элементарных, далее неразложимых понятий. Нужно лишь найти эти понятия и установить правила исчисления **всех понятий** подобно исчислению математических чисел. Истинная философия может перечислить **все мысли** и расположить их **в определенном порядке**. Все зависит лишь от нахождения элементарных понятий. В результате применения определенных **формальных операций** по определенным правилам можно получить **выводные знания**, истинность которых гарантируется философским характером языка. Иными словами, философский язык рассматривался как результат построения совершенной философской картины мира. По своему же устройству такой язык предполагался предельно простым. Он должен иметь **один** способ спряжения, **один** способ склонения и **единый** способ словообразования. В нем не должно быть неправильных слов и исключений. Все словообразовательные элементы должны быть помещены в словаре. Пользуясь таким словарем, можно в течение шести месяцев свободно овладеть этим языком. (Как известно, на подобных принципах был создан искусственный язык *эсперанто*.) «Вульгарные умы», считает Декарт, пользуясь этими словарями, в течение шести месяцев свободно овладеют языком. Эту общую схему мыслимого им всеобщего искусственного языка Декарт набрасывает в письме к аббату Мерсень.

Первоначально идея универсального философского языка имела скорее умозрительный характер: философы больше были заняты выявлением принципов построения такого языка, а не практическим его созданием. Ближе всех к осуществлению практических целей подошел **Исаак Ньютон** (1643-1727). Его проект языка выгодно отличается от всех других, по словам В.А. Успенского, своей «лингвистичностью»: в нем постоянно присутствует «точка зрения говорящего».

И. НЬЮТОН. Об универсальном языке

Печатается по:

Ньютон И. Об универсальном языке // Семиотика и информатика. М., 1986.

Вып. 28.

[Проблема именованья. Имя не есть отражение сути вещей.]

«Диалекты отдельных языков так сильно различаются, что всеобщий Язык не может быть выведен из них столь верно, как из природы самих вещей, которая едина для всех народов и на основе которой весь Язык был создан вначале.

Система бытия построена из отдельных субстанций (духов и тел), каждая из которых находится в том или ином положении, состоянии или кондиции. Использование языка в том и состоит, что один человек может обозначить для другого, в каком состоянии та или иная субстанция есть, была, будет, может быть, должна быть, желаемая быть, побуждаема быть и т. д. Этого достаточно в качестве вступления к тому, что следует».

О буквах

[Раздел содержит перечень обозначения гласных, согласных, дифтонгов с иллюстрацией их произношения английскими примерами.]

Об именах вещей

[Идея создания алфавита исходных терминов, слов-понятий.]

«На каждом языке составь алфавитный список всех субстанций (таких, как *ангел, дом, я, ты, моя вещь, твоя вещь, эта вещь, та вещь, хорошая вещь, большая вещь* и т. д.) и против каждой помести имя, предназначенное для обозначения той же вещи в универсальном языке. Также составь алфавитный список слов Универсального языка и против каждого из них помести слова с тем же значением на каждом языке. Может оказаться удобным, что один и тот же сорт вещей начинался с одной и той же буквы. Например, инструментов – с *s*, животных – с *t*, страстей души – с *b* и т.д. Эти таблицы будут сильно сокращены следующими спряжениями, которые от имени любой вещи производят имена вещей, ей родственных».

Спряжение степеней

[Под спряжением подразумевается словообразование, оформляющее различные семантические модификации исходных имен.]

[Словообразовательные категории.]

«Пусть имеется имя вещи, с неопределенностью означающее, что она может быть наделена некоторой формой (атрибутом, свойством, признаком) в той или иной степени или в экстремуме.

Если известна середина форм, нет трудности в постижении их экстремумов и степеней. Таким образом, середина между жарой и холодом – это теплота, равная теплоте тела, между хорошим и плохим – посредственность. Между ми-

ром и войной – такие разногласия между нациями, которые нельзя назвать ни абсолютным миром, ни войной. Между пороками – абсолютные добродетели.

Между противоположными выпуклостями – холмами и впадинами – равнины. Между противоположно направленными движениями – покой. Между линиями, направленными в противоположные стороны, – точки. И между всеми противоположностями – их золотые середины. Все же некоторые экстремумы не имеют средин: таковы четное и нечетное. А другие формы градуированы, но не имеют экстремумов; таковы особенности, которые соответствуют более реальному экстремуму, их лишенность заменяет середину. Таковы зрение и слепота и т.д.

Пример. Пусть *tor* обозначает вещь, которая горячая, холодная или теплая. Тогда *utor* – горячо, *owtor* – чрезвычайно горячо, *æwtor* – очень горячо, *awtor* – умеренно горячо, *ewtor* – очень мало горячо, *iwtor* – чрезвычайно мало горячо, *etor* – тепло, *iytor* – чрезвычайно мало холодно, *eytor* – очень мало холодно, *aytor* – умеренно холодно, *æytor* – очень холодно, *oytor* – чрезвычайно холодно, *itor* – холодно, *ator* – ни очень горячо, ни очень холодно, *ætor* – умеренно горячо или умеренно холодно, *otor* – очень горячо или очень холодно».

Спряжения, затрагивающие действие, форму и отношение

«Пусть мы имеем имя, обозначающее действительную причину или агент, или релят, или любую конкретную вещь, т.е. субъект любой формы.

Тогда аффиксацией к слову этих согласных	v	обозначается	1. Отдаленные действенные причины и агенты
	f		2. Посредствующая причина или инструмент
	r		3. Действие, основа отношения или абстракция, т.е. форма вещи
	d		4. Тема, пациент или коррелят
	k		5. Начальное состояние
	th		6. Среднее состояние
	g		7. Конечное состояние
	t		8. Результат
	b		9. Подчиненная цель
	p		10. Главная цель

Пример. Пусть *tol* означает художник, тогда *tolv* – наем художника и побуждение его к рисованию; *tolf* – холст, карандаш; краски и другие инструменты художника; *tolr* – его действие рисования; *told* – вещь, изображение которой он рисует; *toldr* – выявленная форма или абстрактная природа этой вещи; *tolk* – пустота, например, незакрашенного холста или листа бумаги; *tolth* – незавершенная картина; *tolk* – завершенная картина, и то же – *tolt*; *toltr* – форма картины, например цвет, распределенный тем или иным образом; *tolb* – побочные цели, например удовлетворить воображение; *tolp* – главная цель, например увековечить память изображаемого лица».

Время пребывания вещи в падеже

«Главное время предложения – это время действия или другого предиката субъекта, которое может быть выражено так:

Присоедини эти гласные или дифтонги	uw	к падежной букве действия или предиката, чтобы обозначить	# бесконечно давно
	ow		1. Давно, насколько это в разумных пределах возможного
	æw		2. Давно
	aw		3. Неопределенное время назад
	ew		4. Недавно
	iw		5. Недавно, насколько это в разумных пределах возможного
	–		6. В настоящее время
	iy		7. Спустя время столь короткое, насколько это возможно
	ey		8. Спустя короткое время
	ay		9. После значительного промежутка времени
	æy		10. Спустя долгое время
	oy		11. После столь долгого времени, насколько это в разумных пределах возможного
	uy		# по прошествии бесконечности
	u		12. Прежде
i	13. Потом		
a	14. Когда субъект предложения есть и существует		

Субъект, инструмент и пациент или коррелят имеют то же время, что и предикат субъекта, следовательно, оно уже не нуждается в выражении».

Об эпитетах

«Если вы будете выделять, иллюстрировать или любым вообще способом описывать любой терм или вещь в предложении некоторым приложением или же другим эпитетом, эта дескрипция выражается полным предложением, непосредственно следующим за описываемой вещью. В этом предложении вместо имени этой вещи поместите частицу [hæ] в той же степени, числе, падеже, времени, величине или количестве промежутков времени, которые имя этой вещи должны были иметь в этом предложении. Для отграничения этого предложения от главного предложения поместите частицу [hæ] в начале предложения, непосредственно после описываемой вещи, а после конца предложения поставьте частицу [hæ].

Если эпитет может быть выражен одним словом, то к его концу присоедините букву [l], а эпитет поставьте после имени вещи. Эпитет может иметь соб-

ственную степень, число, время и падеж, которым определяется отношение эпитета к этой вещи, эпитетом которой он является».

Рукопись работы Ньютона «Об универсальном языке» была утеряна и увидела свет лишь в 1957 г. Л.В. Кнорина, переводчик работы И. Ньютона, отмечает, что «по сравнению со своими современниками Ньютон в большей степени опирается на традиционную грамматику и развивает логико-философское осмысление основных понятий и принципов их языкового отражения. И в меньшей степени он ориентируется на какую-либо определенную установку своего времени. При этом его отбор универсальных грамматических категорий, чрезвычайно детальная разработка систем их значений, отбор отражаемых в грамматике элементов семантики (словаря и синтаксиса) и функциональной перспективы (в частности, установок говорящего), по-видимому, оригинальны. От других проектов работа Ньютона отличается и лаконичной, четкой подачей материала, способствующей представлению о грамматике как цельной системе».

У **Готфрида Вильгельма Лейбница** (1646-1716) лингвистические интересы развиваются в нескольких направлениях.

Во-первых, это близкая к общественной языковой практике область изучения взаимоотношений языков и установления генеалогии языков. Здесь он явился как бы предшественником сравнительно-исторического подхода к языкам. Лейбниц много сделал для поощрения сбора сведений о многочисленных живых языках мира.

Во-вторых, это область лингвофилософских теоретических построений. В них обнаруживается теснейшая связь между его общефилософскими воззрениями и взглядами на сущность языка и задачи в области языкознания.

К числу философских и естествоведческих работ Лейбница принадлежат труды, в которых он рассматривает проблемы естественного языка. Среди них надо отметить его труд «Новые опыты о человеческом разуме», написанный в 1704 г., но опубликованный впервые в 1765 г., а также опубликованное им в 1710 г. сочинение о происхождении народов.

Лейбниц обратился к исследованию языка в связи с поисками общего научного метода, который давал бы возможность постичь существо мышления и служил бы средством научного открытия. В этой связи он критикует формальную логику, являющуюся в его представлении лишь средством доказательства, и говорит о необходимости создания новой логики, которая могла бы стать «искусством научного открытия». Логика, по его замыслу, должна стать «инструментом исчисления». Путь к созданию такой логики он видит в логическом анализе языка, который, по его мнению, должен привести к созданию универсальной логической символики, в которой имелись бы знаки, соотносящиеся со всеми предметами мышления, и правила оперирования знаками, что давало бы возможность отобразить всю картину мышления. Таким образом, идея Лейбница о создании универсального символического языка, иначе – философского языка,

возникает в связи с его попыткой создания инструмента универсального логического исчисления.

Свои идеи о философском языке Лейбниц впервые сформулировал в диссертационном сочинении «Об искусстве комбинаторики», где он наряду с другими вопросами рассматривает проблемы пазиграфии как «искусства сноситься посредством общих письменных знаков со всеми народами на земле, говорящими на разных языках, если только они знают эти общие знаки. Эта работа появилась в 1666 г. Лейбниц требовал от искусственного языка максимальной близости к логико-философским и математическим построениям. Он мечтал о языке как «орудии разума». Слова должны были не только передавать идеи, но и делать наглядным их соотношение. В основе концепции лежала аксиома: все сложные идеи являются комбинацией простых идей, так же как все делимые числа являются произведениями неделимых. При разложении сложных понятий на простые Лейбниц предлагает исходить из правил комбинаторики. Термины первого порядка – простые понятия. Термины второго порядка – пары простых понятий. Термины третьего порядка – три термина первого порядка или комбинация двух терминов первого порядка с одним термином второго порядка и т.д. Для установления тождественности сложный термин надо разложить на термины первого порядка. Итак, все сложные понятия получены из «атомов» смысла. Рассуждения могут быть заменены вычислениями. Алгебраические превращения выразят процесс мышления.

Универсальная символическая характеристика предназначалась для служения трем целям: 1) быть международным вспомогательным языком; 2) быть простой системой символов для выражения всего существующего или возможного знания; 3) служить орудием открытия новых истин из уже известных (по формальным правилам).

В качестве материальной стороны языка Лейбниц предлагал взять «наиболее естественные символы», которые были бы кратки и удобны в употреблении, чтобы легко было обозревать сложные формулы. Они должны были делать возможным вывод понятия из начертания языка, поэтому Лейбниц положительно относился к использованию иероглифики.

Лейбниц предложил проект формализованного языка, который можно было бы употреблять и в письменной, и в устной форме. Выглядел бы он следующим образом: а) девять последовательных значащих цифр должны соответствовать первым девяти согласным латинского алфавита: $1 = b, 2 = c, 3 = d, 4 = f, 5 = g, 6 = h, 7 = l, 8 = m, 9 = n...$; б) десятичные разряды соответствуют пяти гласным: $10 = a, 100 = e, 1000 = i, 10\ 000 = o, 100\ 000 = u$. Единицы более высоких разрядов можно обозначать двугласными сочетаниями, например: $1\ 000\ 000 = au$.

Идеи Лейбница дали толчок развитию символической логики, а впоследствии оказались полезными в математической логике и кибернетике. Универсальная характеристика Лейбница представляет собой как бы переходный мостик от идеи философского языка, т.е. построения, претендующего на безупречную логическую классификацию всей суммы человеческих знаний, к формали-

зованным языкам (исчислениям), заложившим общие основания для новейшей математической логики. Последние непосредственно соприкасаются с теорией автоматов, с разложением языка в его логической основе на дискретные элементы и возможностью конструировать язык машин.

Г.В. ЛЕЙБНИЦ. Рациональный язык

Печатается по: Лейбниц Г.В. Сочинения. М.: Мысль, 1982.

[Руководство к созданию рационального языка.]

«Прежде всего, следует показать, каким образом высказывание может быть переведено с других языков на *язык рациональный*».

[Создание грамматики. Роль латинского языка в формировании грамматики рационального языка.]

«Для этой цели нужно будет составить *общую грамматику языков, обратив особое внимание на латинскую*. Ведь поскольку латинский язык в настоящее время является в Европе языком науки, то неплохо было бы перенести кое-что в рациональный язык из латинского языка».

[Соотношение грамматики рационального языка и частных грамматик.]

«Грамматика же латинского или какого-либо другого языка – в той степени, в какой она подчинена правилам и лишена аномалий, – является только частью общей грамматики. *Поэтому правильные грамматики всех языков являются только частями, или частными случаями, философской грамматики* с тем различием, что в одном языке отсутствуют какие-то флексии, вариации и краткие способы выражения (*compendia exprimendi*), имеющиеся в другом; в некоторых языках одной флексией могут охватываться определенные значения, различающиеся в другом языке, а то и выделенные также и флексией; так, немцы не различают флексией звательный падеж и именительный».

[Пути преобразования частных грамматик.]

«Мужской, женский, общий, средний и всякий род являются характерной чертой философской грамматики, но они во многих языках не упорядочены, поскольку некоторые слова соотносятся с существами женского пола, другие – с существами мужского, хотя они и не имеют с ними ничего общего. Для нашей же цели достаточно передать только правильную латинскую грамматику, т. е. ту часть универсальной грамматики, которая представлена в латинском языке, поскольку для сведущих мы пишем по-латыни и нетрудно найти людей, которые переводят с других языков на латинский. *Аномалии латинского я отбрасываю*, напоминая только, что для перевода на рациональный язык представленных латинских слов нужно устанавливать скорее их, так сказать, *парафразу*, или версию такого рода, которая не имела бы ничего аномального. Так, вместо: «*Господь нуждается в них*» – мы скажем: «Господь хочет иметь их, так как без них он не сможет сделать чего-то необходимого». В данном случае я должен был вместо «нуждаться» подставить его определение, поскольку мне не приходит на

ум синоним этого слова, который был бы лишен аномалии. Поэтому впоследствии в определениях, если мы хотим, чтобы они были абсолютными и выражали весь язык совершенным образом, нам следовало бы предписать определения и аномальных фраз и выражений. Отбросив аномалии, следует далее приступить к переводу, где уже не будет настоящей нужды в определении фраз (что необходимо в случае отклонений от нормы), но только в *определении слов и флексий*. Здесь, впрочем, имеется два пути: один заключается в том, чтобы вместо латинских флексий были представлены соответствующие флексии рационального языка; другой – в том, чтобы сами флексии были устранены, все сводилось бы к простейшему анализу латинского языка, где вместо всех падежей остался бы только именительный и т. д. и были бы использованы только те вспомогательные средства, без которых нельзя обойтись. Первое менее трудно и более удобно для составляющего [грамматику], второе необходимо для того, кто с помощью указанного сведения желает изобрести и создать рациональный язык. Впрочем, научить переводить с рационального языка на латинский, т.е. написать полную латинскую грамматику и разъяснить все аномалии, не входит в нашу задачу, хотя это нетрудно было бы сделать, следуя нашим указаниям».

[Лексикон рационального языка. Способы формирования.]

«Завершив же общее, т.е. грамматику, следует приступить к словам, или словарю, и к предложениям, или истинам. Истины же, которые могут быть доказаны или уже доказаны, будут как бы короллариями словаря, или определений слов. Далее, хотя большая часть латинских слов такова, что без них можно было бы легко обойтись, если бы правило запрещало их использовать, заменив их другими, более употребительными, то все же этого нельзя было бы достигнуть без каких-либо оговорок и многословности. Поэтому отбросим вначале большую часть слов со сравнительно частным значением, а те, без которых трудно обойтись, переведем на рациональный язык.

А для большей безопасности и пользы, а также чтобы нам не оказаться в самом начале слишком мелочными, сделаем сперва такой анализ, который необходим для доказательства большей части истин, и притом вначале – логических, затем – метафизических, после этого – практических, потом – математических и, наконец, – физических. Поэтому обратимся к авторам, которые предприняли попытку дать доказательства, и все сколько-нибудь важные высказывания (т.е. такие, от которых вытекает практически полезное, а именно проблемы, которые касаются средств, сообразных для нашей цели) тщательно докажем. Тогда, если мы ничего не оставим без доказательства, то из истин, уже полученных и доказанных, мы извлечем и анализ слов, т.е. определения, и в конце концов, исходя из смысла (*ratio*) этих определений, выразим значения слов. И тогда нами уже будет сделано достаточно, даже если кто сможет когда-нибудь нас превзойти, продвинув дальше исчисления посредством непрерывного анализа. Нам же было бы достаточно и того, чтобы этим способом доказать все известные полезные истины и указать путь к бесчисленным новым. А если бы встретились какая-нибудь аксиома, или теорема, или опыт (*experimentum*),

которых мы не смогли бы доказать, и они были бы обратимыми, то мы имели бы субъект и предикат в качестве имен одной вещи, у которой есть свое имя; а чтобы сохранялось уравнение в числах, пусть одно слово приводится к другому, и то, что оба они представляют, пусть обнимается охватывающим знаком. Так, если 31 есть 47, я вижу, что этой вещи с необходимостью приписывается 31,47; однако определенным знаком должно быть обозначено то, что разница между ними была устранена найденным некогда доказательством».

Г.В. ЛЕЙБНИЦ. Основы исчисления суждений

Печатается по: Лейбниц Г.В. Сочинения. М.: Мысль, 1982.

[Недостатки естественного (обыденного) языка.]

«Обыденный язык, хотя он и мог бы весьма способствовать рассуждению, полон, однако, бесчисленных синонимов и поэтому не может служить делу исчисления, даже если бы были вскрыты ошибки рассуждения, относящиеся к самой формации и конструкции слов, такие, как солецизмы и варваризмы. Таким поистине замечательным достоинством до сих пор обладают только знаки арифметиков и алгебраистов, у которых всякое рассуждение состоит в использовании характеров и ошибка ума есть то же самое, что ошибка счета».

[Проект создания философского языка.]

«Мне же, беспокойному, уже давно со всей очевидностью представилось и нечто более важное, а именно что все человеческие мысли вполне разрешаются на немногие, как бы первичные; что если бы этим последним были поставлены в соответствие характеры, то из них могли бы образовываться характеры производных понятий, из которых всегда могли бы извлекаться все их реквизиты и входящие в них первичные понятия и то, что я называю определениями или значениями, а равным образом и следствия, доказуемые из этих определений. Если бы все это было осуществлено, то каждый, кто пользовался бы в процессе рассуждения и писания такого рода характерами, либо никогда не ошибался бы, либо сам не хуже других с помощью несложных выкладок обнаруживал бы свои ошибки; к тому же он приходил бы к открытию истины, поскольку она следует из данных, а если данных для нахождения искомого оказалось бы недостаточно, по крайней мере видел бы, какие еще нужны опыты или знания, чтобы он мог наконец прийти к истине, насколько это осуществимо на основе данных, или способом приближения, или же способом определения степени большей вероятности; софизмы же и паралогизмы ничем бы тогда не отличались от ошибок счета в арифметике и солецизмов и варваризмов в языке.

Поскольку же на этом характеристическом искусстве, идею которого я постиг своим умом, основывается Истинный Органон Всеобщей Науки, касающийся всего, что подвластно человеческому рассуждению, но имеющий вид вечно очевидных доказательств исчисления, постольку есть необходимость, чтобы сама наша характеристика, или искусство пользования знаками для некоторого рода точного исчисления, представлялась как наиболее общая. Но так

как еще нельзя установить, каким именно способом должны формироваться знаки, то пока вместо тех знаков, которые должны быть созданы в будущем, по примеру математиков будем пользоваться буквами алфавита и любыми другими произвольными знаками, которые в изобилии будет поставлять прогресс (науки). Этим способом прояснится также связь характеристически трактуемых наук, и само дело покажет, что элементарная арифметика более первична и проста, чем элементы логического исчисления, трактующего фигуры и модусы».

Итак, при конструировании систем искусственных языков главная цель указанных выше проектов состояла в попытке создать некоторую логически объединенную систему символов, образно говоря, в поиске, по выражению Лейбница, «азбуки человеческой мысли». Убежденность в возможности построить такой философский универсальный язык основывалась на вере в реальную исчислимость всех мыслительных моделей, если вычленишь систему первичных элементов, универсальных характеристик, из которых эти модели строятся.

На развитие идеи создания искусственных символических систем огромное влияние оказала математика. Образцом ее прямого влияния является, например, созданный Декартом на материале шести естественных языков цифровой символический язык со своим словарем и элементарной грамматикой. Декарт созданием начал аналитической геометрии, а Лейбниц разработкой дифференциального исчисления продемонстрировали преимущества символики.

Тема 3. Семантический язык Анны Вежбицкой

Анна Вежбицкая выявила набор из нескольких десятков *семантических примитивов* (понятий, универсальных для различных языков), на основе которых строятся все остальные понятия. Исследовательница считает, что это множество примитивов-универсалий лежит в основе человеческой коммуникации и мышления; а специфичные для языков конфигурации этих примитивов отражают разнообразие культур.

Конечно, невозможно доказать, что предложенное множество примитивов является «единственно верным» и что люди во всем мире в самом деле думают в терминах этого множества, но можно показать, что предложенное множество примитивов «работает», что оно совместимо с данными из всех тех различных языков, которые были проверены с этой точки зрения (учитывая полисемию и различия в сфере употребления, объяснимые в терминах специфических факторов культуры).

А. ВЕЖБИЦКАЯ. Толкование эмоциональных концептов

Печатается по: Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1997.

Эмоциональные концепты – включая так называемые базисные эмоции, такие как *злость* или *печаль*, – могут быть истолкованы через универсальные семантические примитивы. Язык семантических примитивов позволяет строго и эксплицитно описать всё пространство значений во всех языках.

Предложенные здесь толкования представляют собой своего рода *прото-типические модели поведения* или *сценарии*, которые задают последовательность мыслей, желаний и чувств. Однако эти модели поведения можно рассматривать как формулы, предусматривающие строгое разграничение необходимых и достаточных условий (не для эмоций как таковых, но для эмоциональных понятий), и эти формулы не допускают размытости границ между понятиями. Напротив, небольшой набор используемых здесь универсальных семантических примитивов наглядно показывает, что даже такие очевидные синонимы, как *sad* 'печальный' и *unhappy* 'несчастный', предполагают разные – и вполне специфичные – понятийные структуры.

Про эмоциональные концепты часто говорят, что они не могут быть «истолкованы классическим способом».

Для того, чтобы иметь хорошие толкования, нам нужен хороший метаязык, а для того, чтобы иметь хороший метаязык, нам требуются сотни предварительных толкований. В обоих направлениях работа должна проводиться одновременно, и на это требуется немало времени.

Невозможно истолковать всё. Для того, чтобы что-то истолковать (без явных или скрытых логических кругов), нам требуется некое множество неопределяемых элементов. Если наши неопределяемые элементы, или примитивы, не будут интуитивно понятны и не будут объяснять самих себя, то и наши толкования ничего не объяснят.

Поиски алфавита человеческих мыслей следует связать – непосредственно и эксплицитно – с поисками лексических универсалий, то есть понятий, которые могут быть лексикализованы (в виде отдельных слов или морфем) во всех языках мира.

Список примитивов

Субстантивы: я (I), ты (you), кто-то (someone), что-то (something), люди (people)

Детерминаторы и квантификаторы: этот (this), тот же самый (the same), другой (other), один (one), два (two), много (many/much), все/весь (all)

Ментальные предикаты: думать (o) (think (about)), говорить (say), знать (o) (know (about)), чувствовать (feel), хотеть (want)

Действия и события: делать (do), происходить/случаться (happen (to))

Оценки: хороший (good), плохой (bad)

Дескрипторы: большой (big), маленький (small)

Время и место: когда (when), где (where), после/до (after/before), под/над (under/above)

Метапредикаты: не/нет/отрицание (no), потому что/из-за (because), если (if/would), мочь (can)

Интенсификатор: очень (very)

Таксономия и партономия: вид/разновидность (kind of), часть (part of)

Нестрогость/прототип: подобный/как (like)

В толкованиях в ряде контекстов некоторые из примитивов могут обозначаться разными словами. Это делается только для того, чтобы облегчить их чтение. Варианты зависят от того естественного языка, на котором сформулировано толкование. Такая «аллолексия» (наличие двух или более форм, обозначающих одно и то же понятие) допускается в английском языке для следующих понятий:

someone = person

something = thing, what, anything

then = at a time, sometimes

I = me

no = not, don't, -n't

Наряду с аллолексией, существует несколько сочетаний двух понятий, которые в английском языке более ясно выражаются одним словом:

all something = everything

all someone = everybody

not someone = no-one

can't not = have to

at this time = now

Существует два независимых эмпирических пути поиска универсальных семантических примитивов: (1) роль, которую играет данное понятие в толковании других понятий; (2) множество языков, в которых данное понятие лексикализовано. Например, понятие, выражаемое в английском языке словом *say* 'говорить', используется, среди прочих элементов, в толковании сотен английских глаголов речи вроде *ask* 'просить', *demand* 'требовать', *apologize*

'извиняться', *curse* 'проклинать', *scold* 'бранить', *persuade* 'убеждать', *criticize* 'критиковать' и т. п. Напротив, такие слова, как *chase* 'преследовать' или *persuade* 'убеждать' вовсе не столь полезны для истолкования других слов. Кроме того, понятие, выражаемое в английском языке как *say*, имеет точные семантические эквиваленты в сотнях языков: на самом деле, пожалуй, нет такого языка, в котором бы не было слова, выражающего это понятие. И наоборот, английские слова типа *chase* и *persuade* вряд ли имеют точные семантические эквиваленты хотя бы в одном языке мира, не говоря уже обо всех языках.

Когда великие мыслители 17 века (в первую очередь Декарт) впервые сформулировали идею, что существуют врожденные понятия, они предложили два критерия для идентификации последних: (1) эти понятия должны быть интуитивно ясны и самообъясняющи, и (2) их невозможно определить. Например, утверждалось, что невозможно истолковать понятие 'мышление' (в частности, понятие *cogito* 'я думаю') и любая попытка такого истолкования ведет лишь к большей неясности и путанице. Кроме того, нет необходимости токовать данный концепт, поскольку его значение нем интуитивно понятно.

Лейбниц добавил к двум критериям Декарта ещё один: (3) требование, чтобы самые «простые» элементы алфавита человеческих мыслей были бы не только понятны и неопределимы, но также способны стать «кирпичиками» в постройке других понятий. Именно этот критерий стал для Лейбница стимулом для широкого лексикографического эксперимента: для того, чтобы выяснить, какие понятия обладают способностью истолковывать другие понятия, нужно проверять их на большом массиве толкований.

В современных лингвистических работах к трем критериям, унаследованным от 17 века, добавлены ещё два: (4) требование, чтобы предполагаемые врожденные и универсальные понятия выявлялись в описаниях многих языков мира (генетически и культурно различных), и (5) требование, чтобы понятия, оказавшиеся кирпичиками в толковании, также оказались лексическими универсалиями, т.е. понятиями, которые имеют свои собственные «имена» во всех языках мира.

Эмоциональные концепты задаются ситуациями, типичными для известных переживаний, и эти ситуации могут быть описаны посредством *ментальных сценариев*.

Мы часто описываем друг другу эмоции при помощи прототипических ситуаций («Я чувствовал себя, как чувствуют себя, когда...», «Я чувствовал себя так же, как кто-нибудь себя чувствовал бы, если...»). Имеющиеся в нашем распоряжении термины для эмоций (типа *печаль* и *радость*) сокращенно обозначают ситуации, которые воспринимаются носителями данной культуры как самые общераспространенные и заметные.

***Relief* 'облегчение'**

X чувствует что-то
иногда человек думает примерно так:
    произойдет что-то плохое
    я не хочу этого
поэтому этот человек чувствует что-то плохое
затем этот человек думает примерно так:
    теперь я знаю: этого не произойдёт
поэтому этот человек чувствует что-то хорошее
X чувствует что-то похожее

***Disappointment* 'разочарование'**

X чувствует что-то
иногда человек думает примерно так:
    произойдёт что-то хорошее
    я хочу этого
затем этот человек думает примерно так:
    теперь я знаю: этого не произойдёт
поэтому этот человек чувствует что-то плохое
X чувствует что-то похожее

***Surprise* 'удивление'**

X чувствует что-то
иногда человек думает примерно так:
    сейчас что-то произошло
    до этого я не думал: это произойдёт
    если бы я подумал об этом, я бы сказал: этого не произойдёт
поэтому этот человек чувствует что-то
X чувствует что-то похожее

***Amazement* 'изумление'**

X чувствует что-то
иногда человек думает примерно так:
    сейчас что-то произошло
    до этого я не знал: это может произойти
    если бы я подумал об этом, я бы сказал: этого не может произойти
поэтому этот человек чувствует что-то
X чувствует что-то похожее

Вышеприведённые толкования (которые можно было бы назвать «семантическими толкованиями») являются довольно точным и гибким инструментом концептуального анализа и позволяют нам обнаружить тонкие и трудноуловимые оттенки значения, которые традиционный анализ даже не пытался предста-

вить. Очень важно, что толкования в том виде, как они приведены здесь, интуитивно понятны и интуитивно верифицируемы. Поэтому их можно обсуждать с носителями языка и проверять на соответствие интуиции. В результате такой работы толкования будут приняты или опровергнуты. Если они не будут совершенны. Их можно улучшать, а постоянный диалог с носителями всегда будет способствовать увеличению согласия.

В любом языке названия эмоций образуют сложную сеть взаимосвязей и могут быть классифицированы множеством различных способов. Тем не менее в качестве естественной основы для классификации и рассмотрения выступают некоторые семантические категории.

Первую группу эмоциональных концептов объединяет общая (и, возможно, важнейшая) идея того, *что происходит с нами или с другими людьми, плохое или хорошее.*

Вторая группа сообщает о том, *что делают люди, опять же, хорошее или плохое.*

Критерий, по которому выделяется **третья группа**, не так бросается в глаза, но он не менее важен: *это представление о том, что мы думаем о себе и что другие люди думают о нас.*

Четвёртая группа обозначает *эмоциональное отношение к другим людям, например, любовь, ненависть, уважение, жалость, зависть.*

Таким образом, самые явные параметры, которые составляют мысли человека о его эмоциональных переживаниях и которые лежат в основе разъясняющей классификации эмоциональных концептов в языке и культуре, – это 'плохой', 'хороший', 'происходить', 'делать', 'хотеть', 'не-хотеть', 'я' 'кто-то' (или 'все').

Возьмём слово «*happy*», одно из самых употребительных слов американского стандарта. Открыв англо-польский или польско-английский словарь, мы легко обнаружим его эквивалент. Но на самом деле это не точный эквивалент. Польское прилагательное, соответствующее *happy* (это справедливо и для других славянских языков), имеет более узкое значение. Обычно оно употребляется для обозначения редких состояний полного блаженства или совершенного удовлетворения, получаемого от таких серьёзных вещей, как любовь, семья, смысл жизни и т.п. Поэтому оно не используется столь широко, как “*happy*” в разговорной речи американцев. Если вопрос “*Is everybody happy?*” (букв. «Все ли счастливы?») можно услышать на любой вечеринке, то польскую фразу, являющуюся его буквальным переводом, можно встретить разве что в метафизическом трактате или в политической утопии. Заметим, что славянские языки также не имеют точных эквивалентов для глагола “*to enjoy*”. Нет, мы не хотим сказать, что американцы – это нация легкомысленных, компанейских весельчаков в противоположность нашим страдающим славянским душам. Мы лишь хотим привести пример семантической несовместимости, которая прочно укоренилась в языках и культурах, что иногда делает общение невозможным или превращает его в ритуальный обмен бессмысленными «хрю» и «мяу». “*Are you happy?*” –

спрашивает радушный хозяин гостя из Восточной Европы, – “Yes, I am”. “Are you enjoying yourself?” – “Sure am I”. Что ещё можно сказать? Как объяснить, что восточноевропейец может иметь в виду совсем не то же самое, что содержится в его американском словаре?

Английское слово *happy* отличается не только от польского *szczęśliwy* или русского *счастливый*, но и от немецкого *glücklich* и французского *heureux*.

A. X feels *happy*

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

со мной произошло что-то хорошее

я хотел этого

я не хочу ничего другого

поэтому этот человек чувствует что-то очень хорошее

X чувствует что-то похожее

B. X счастлив (*glücklich, heureux* и т.д.)

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

со мной произошло что-то очень хорошее

я хотел этого

всё хорошо

я не могу хотеть ничего другого

поэтому этот человек чувствует что-то очень хорошее

X чувствует что-то похожее

Эти толкования расходятся в трёх пунктах. Во-первых, в В присутствует дополнительный компонент 'всё хорошо' (который можно понимать как 'всё, что происходит со мной'), во-вторых, 'хорошо' в А противопоставлено 'очень хорошо' в В, в-третьих, 'я не хочу ничего другого' в А противопоставлено 'я не могу хотеть ничего другого' в В. Эти расхождения объясняют «абсолютные» коннотации слова *счастливый* и более ограниченный, прагматический характер слова *happy*. Это находит подтверждение в том, что можно сказать *quite happy*, но не **совсем счастливый* или **ganz glücklich*.

Таким образом, толкование представленного здесь типа является гипотезой о специфических психологических предписаниях о том, как себя вести, бессознательно используемых носителями данного языка для интерпретации собственного эмоционального опыта или опыта других людей. Предположение такого рода соотносится с потенциальной сферой употребления данного слова и, по необходимости, изменяется с целью как можно более полного соответствия ей. Поэтому предложенные толкования должны обладать большой предсказательной силой. Они являются не только полезным аналитическим приёмом, подыто-

живающим наши знания об эмоциональной лексике языка, но и независимым предположением о глубинной психологической действительности.

Плохие происшествия

Sad 'печальный' (например, X feels sad)

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

    произошло что-то плохое

    я бы хотел, чтобы это не произошло

    поэтому, если бы я мог, я бы хотел что-нибудь сделать

    я не могу ничего сделать

поэтому этот человек чувствует что-то плохое

X чувствует что-то похожее

В прототипическом сценарии «плохое событие» локализуется в прошлом ('произошло что-то плохое', например, кто-то умер). Компонент 'я бы хотел, чтобы это не произошло' обозначает нечто вроде сожаления. Воображаемое – но только воображаемое – стремление что-нибудь сделать ('я бы хотел что-нибудь сделать') в сочетании с чувством беспомощности ('я не могу ничего сделать') предполагает что-то вроде отказа от замысла.

Unhappy 'несчастный' (например, X feels unhappy)

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

    со мной произошло что-то плохое

    я не хочу этого

    поэтому я бы хотел что-нибудь сделать

поэтому этот человек чувствует что-то плохое

X чувствует что-то похожее

Основное различие между *unhappy* и *sad* состоит в личном характере первого: если умирает близкий друг моего соседа, я могу быть *sad*, но не *unhappy*, но если умирает мой близкий друг, я скорее всего буду чувствовать себя *unhappy*.

Кроме того, *unhappy* предполагает более активное и менее смиренное настроение, чем *sad*. Например, если кто-то говорит "I am unhappy about it" 'из-за этого я несчастен', то он скорее всего собирается что-нибудь сделать в этой связи. Напротив, если кто-то говорит "I am sad", он не намерен менять ситуацию; при этом нельзя сказать *"I am sad about it". Такая разница объясняется наличием компонента неприятия 'я не хочу этого' и отсутствием компонента уступки 'я не хочу ничего делать' в толковании *unhappy*.

Distressed 'огорчённый'

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

со мной сейчас происходит что-то плохое

я не хочу этого

поэтому я бы хотел что-нибудь сделать

я не знаю, что я могу сделать

я хочу, чтобы кто-нибудь что-нибудь сделал

поэтому этот человек чувствует что-то плохое

X чувствует что-то похожее

В работах по мимике эмоций слова *distress* и *distressed* часто употребляются по отношению к плачущим грудным младенцам, в то время как слово *sad* стоит под фотографиями, запечатлевшими взрослых, которые не плачут и не ревут (МОЖНО изобразить слёзы печали, но только слёзы, а не громкий плач или рёв).

Такое расхождение в выборе обозначений находит соответствие в предложенных здесь толкованиях. Душевному состоянию плачущего младенца несомненно лучше отвечает личное отношение в настоящем, предусмотренное для *distressed* ('СО МНОЙ ПРОИСХОДИТ что-то плохое'), чем безличное размышление о прошлом, постулированное для *sad* ('ПРОИЗОШЛО что-то плохое').

Помимо этого, плачущий ребёнок не принимает ситуацию спокойно, он активно противостоит ей ('я не хочу этого'). Ребёнок может чувствовать беспомощность и быть не в состоянии справиться с ситуацией ('я не знаю, что я могу сделать'), но он не пассивен. Скорее, он пытается продемонстрировать свои чувства окружающему миру, неявно призывая на помощь ('я хочу, чтобы кто-нибудь сделал').

Общеизвестное выражение *distress signals* 'сигналы бедствия', употребляемое по отношению к кораблям, указывает на похожую ситуацию. Судовой экипаж вполне может послать сообщение следующего характера: 'с нами произошло что-то плохое', 'мы не хотим этого', 'поэтому мы бы хотели что-нибудь сделать', 'мы не знаем, что можно сделать', 'мы хотим, чтобы кто-нибудь (другой) что-нибудь сделал'. Но любому кораблю не имеет смысла посылать *signals of sadness* или, если на то пошло, *signals of unhappiness* (сигналы печали или «несчастья»).

Слово 'сейчас' ('в это время') в толковании *distressed* может показаться излишним, поскольку настоящее время выражается в глаголе ('со мной ПРОИСХОДИТ что-то плохое'). Тем не менее его присутствие может быть оправдано тем, что оно подчёркивает краткость состояния *distress*. *Distress* предполагает немедленную реакцию на то, что происходит СЕЙЧАС (скорее «сегодня», чем «в настоящее время»).

***Upset* 'расстроенный'**

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

со мной сейчас произошло что-то плохое

я бы хотел, чтобы это не произошло

поэтому я бы хотел что-нибудь сделать

я не знаю, что я могу сделать

я не могу думать сейчас

поэтому этот человек чувствует что-то плохое

X чувствует что-то похожее

Человек бывает расстроен тем, что произошло с ним 'до того', а не тем, что происходит с ним 'сейчас'. Но рассматриваемое событие произошло очень недавно, настолько, что экспериенцер не имеет времени обрести душевное равновесие (ожидается, что он скоро это сделает).

Соединение в толковании прошедшего времени со словом 'сейчас' обозначает локализацию события в прошлом и его мгновенность (ср. подобную комбинацию в предложении «это произошло со мной только что»). В то же время экспериенцер потерял равновесия и не может рассуждать как обычно. Его отношение не пассивно, он не примирился, как в случае *sadness* ('я не могу ничего сделать'). Лучше сказать, что он в замешательстве и временно не может совладать с собой ('я не знаю, что я могу сделать'). Но в отличие от человека, который огорчен, расстроенный человек не взывает о помощи и не привлекает к себе внимание никаким другим способом.

***Sorrow* 'скорбь'**

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

со мной произошло что-то очень плохое

я не мог не думать об этом до настоящего момента

я не могу не думать об этом сейчас

я бы хотел, чтобы этого не произошло

поэтому я бы хотел что-нибудь сделать

никто не может ничего сделать

поэтому этот человек чувствует что-то плохое

X чувствует что-то похожее

Sorrow всегда относится к личной беде, в этом оно сближается с *distress* и *unhappiness* и противопоставляется *sadness* ('СО МНОЙ произошло что-то очень плохое'). Оно более «интенсивно», чем *sadness* ('со мной произошло что-то ОЧЕНЬ плохое'). *Sorrow* вызвано каким-то событием в прошлом (чья-то смерть, другие большие потери), но прошлое как таковое не находится в фокусе. Точнее, *sorrow* предполагает длительное состояние, которое является результатом ми-

нувшего события или длительного существования в прошлом каких-то обстоятельств. Если экспериенцер сосредоточен на самом минувшем событии, то мы говорим о трагедии, а не о скорби. Скорбь имеет корни в прошлом, но акцент ставится на настоящем, длительном состоянии ('я не мог не думать об этом до настоящего момента', 'я не могу не думать об этом сейчас'). В отличие от *distress* и *unhappiness* и подобно *sadness* оно может быть сопряжено с покоем и примирением. Оно похоже на продолжительное страдание или боль, но оно не допускает возмущения и противодействия.

В *sorrow* существует нечто окончательное и непоправимое, связывающее его с *grief* 'горе'. *Sorrow* и *grief* связаны также тем, что экспериенцер концентрирует свое внимание на болезненном предмете; но в случае *grief* и *grieving* экспериенцер изначально сосредоточен на нём ('я хочу думать об этом'), в то время как в *sorrow* заключена невозможность забыть это ('я не могу не думать об этом'). Кроме того, *sorrow*, как уже было указано, предполагает что-то вроде допущения и примирения (с этим нельзя ничего сделать), в то время как *grief* – хотя и вызвано чем-то столь же бесповоротным – не подразумевает этого и сопряжено с внутренним сопротивлением.

Sorry 'жаль'

X чувствует что-то
иногда человек думает примерно так:
с кем-то произошло что-то плохое
я бы хотел, чтобы этого не произошло
поэтому этот человек чувствует что-то плохое
X чувствует что-то похожее

Данное толкование крайне просто, и оно верно предсказывает весь диапазон употребления слова. Если человек, с которым произошло что-то плохое, – это вы, а событие было спровоцировано мной, то слово *sorry* может выразить извинение. Если же я не являюсь виновником, но всё же чувствую 'что-то плохое' из-за того, что с кем-то что-то случилось, то моё чувство *sorry* «за них» сродни сопереживанию. Если человек, с которым произошло что-то плохое – это я, то *sorry* может быть родственно сожалению.

Но употребление *sorry* по отношению к себе подразумевает независимый и беспристрастный взгляд на себя как на 'кого-то', и оно реже сочетается с личным несчастьем типа болезни или аварии.

Grief 'горе'

X чувствует что-то
иногда человек думает примерно так:
со мной произошло что-то очень плохое
кто-то был как бы частью меня
сейчас что-то произошло с этим человеком

поэтому этот человек не может быть как частью меня
я не хочу этого
я хочу думать об этом
я не хочу думать ни о чём другом сейчас
поэтому этот человек чувствует что-то плохое
X чувствует что-то похожее

Первый когнитивный компонент толкования ('со мной произошло что-то очень плохое') сближает *grief* и *sorrow*, будучи «личным» ('СО МНОЙ'), интенсивным ('ОЧЕНЬ плохое') и указывающим на прошедшее время ('ПРОИЗОШЛО'). Однако, в отличие от *sorrow*, состояние *grief* не длительно: оно современно, свежо ('произошло СЕЙЧАС') и более активно ('я не хочу этого'). Оно сопровождается «потерей», точнее, потерей человека ('кто-то был как бы частью меня', 'что-то произошло с этим человеком сейчас', 'поэтому этот человек не может быть как бы частью меня').

В то же время экспериенсер поглощён мыслями о плохом событии ('я хочу думать об этом'), почти до исключения всего остального ('я не хочу думать о других вещах сейчас').

Некоторые компоненты связывают *grief* с *despair*.

***Despair* 'отчаяние'**

X чувствует что-то
иногда человек думает примерно так:
со мной произошло что-то очень плохое
я не хочу этого
поэтому я хочу что-нибудь сделать
я не могу думать: со мной произойдёт что-то хорошее после этого момента
я не могу думать о других вещах
поэтому этот человек чувствует что-то очень плохое
X чувствует что-то похожее

Despair, подобно *sorrow*, *grief* и *sadness*, относится к прошедшему событию ('ПРОИЗОШЛО что-то плохое'). Так же, как *sorrow* и *grief*, – но не *sadness*, – оно указывает на что-то очень плохое и что-то личное ('со МНОЙ произошло что-то ОЧЕНЬ плохое'). Однако, в отличие от *sorrow*, оно не совместимо с примирением и, подобно *grief*, предполагает внутренне неприятие и противодействие тому, что произошло ('я не хочу этого'). Плохое событие может состоять в осознании своей ошибки и недостижимости того, чего очень хочется достичь, но также может рассматриваться как неудача, которая нас постигла.

Беспомощность *despair* ('я не могу ничего сделать') перекликается с беспомощностью *sorrow* и *sadness*, но, будучи связан с активным отрицанием фактов и с активным стремлением что-нибудь сделать ('я хочу что-нибудь сделать'),

эта беспомощность предполагает страшное внутреннее противоречие, возможно, даже два противоречия: (1) 'со мной произошло что-то очень плохое', 'я не хочу этого' (но как можно желать, чтобы чего-то не произошло, если оно уже произошло) и (2) 'я хочу что-нибудь сделать', 'я не могу ничего сделать'.

Последний компонент *despair* ('я не могу думать о других вещах') описывает полное погружение экспериенцера в переживание, связывая его с *grief*, но это погружение ещё более глубокое и более навязчивое, чем в случае с *grief* (ср. 'я хочу думать об этом' vs. 'я не могу думать о других вещах').

***Depressed* 'подавленный'**

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

я могу думать: со мной произойдёт что-то плохое

я не могу думать: со мной произойдёт что-то хорошее

я не могу думать: я сделаю что-то хорошее

поэтому этот человек чувствует что-то очень плохое

X чувствует что-то похожее

Ближайшие родственники *depressed* – возможно, *in low spirits* 'не в духе', *downcast* (или *cast down*) 'удручённый' и *dejected* 'подавленный', но ни в коем случае не *despair*, хотя элемент безнадёжности ('я не могу думать: со мной произойдёт что-то хорошее') всё же связывает *depressed* с *despair*. В отличие от *dejected* и *downcast*, *depressed* (или его прототип) не подразумевает того, что 'со мной произошло что-то плохое'. В этом отношении *depressed* ближе к *in low spirits*, которое также может не иметь специальной причины. Поскольку рассматриваемая здесь группа объединена общим компонентом 'произошло/происходит что-то плохое', то *depressed*, строго говоря, ей не принадлежит и может быть привлечено только для сравнения.

Хорошие происшествия

Эмоциональная лексика, связанная с «хорошими вещами», происходящими с людьми, представлена в английском языке менее широко, чем лексика, связанная с «плохими вещами». В ряде случаев различия, проводимые в области «хороших вещей», симметричны, или почти симметричны, различиям, проводимым в области «плохих вещей» (ср. *happy* и *unhappy*, *pleased* и *displeased*), однако в целом эти поля не изоморфны, что мы увидим, когда рассмотрим названия наиболее распространённых «положительных» эмоций.

***Joy* 'радость' (X feels joy)**

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

происходит что-то очень хорошее
я хочу этого
поэтому этот человек чувствует что-то очень хорошее
X чувствует что-то похожее

Как показывает данное толкование, *joy* представляет собой очень простое понятие с двумя когнитивными компонентами и не имеет параллелей среди названий негативных эмоций. В частности, оно не похоже на *sadness* 'печаль', потому что *sadness* в прототипическом случае отсылает к прошедшим событиям, а *joy* предполагает, что что-то хорошее происходит в настоящем (хотя это может пониматься очень широко). К тому же, *sadness* содержит другие компоненты, которые определяют его довольно пассивный и лояльный характер, а *joy* не содержит таких компонентов и позволяет активное проявление (как в случае *weeping with joy* 'плачущий от радости').

Единственным названием отрицательной эмоции, которое содержит почти симметричные *joy* компоненты, является *distressed* ('со мной сейчас происходит что-то плохое', 'я не хочу этого'), но и это понятие включает другие компоненты, не находящие соответствия в толковании *joy*, и потому также не может считаться его прямой противоположностью.

***Contented* 'удовлетворённый'**

X чувствует что-то
иногда человек думает примерно так:
со мной происходит что-то хорошее
я хотел чего-то подобного
я не хочу ничего другого
поэтому этот человек чувствует что-то хорошее
X чувствует что-то похожее

Contentedness 'удовлетворённость' – это эмоция, которую можно приписать откормленному коту, сонно мурлыкающему в тёплом местечке. Благополучие кота имеет место в настоящем (тепло, комфорт), и предполагаемая реакция кота на него – скорее пассивная и умеренная, чем активная, интенсивная или испуганная. *Contentedness* согласуется с умеренным выражением 'чего-то хорошего' (а не 'чего-то очень хорошего') и с существованием желания в прошлом ('я хотел чего-то подобного' скорее, чем 'я хочу этого').

***Pleased* 'доволен'**

X чувствует что-то
иногда человек думает примерно так:
произошло что-то хорошее
я хотел этого
поэтому этот человек чувствует что-то хорошее

X чувствует что-то похожее

Человек доволен, когда он видит, что всё происходит согласно его плану; следовательно, его усилия приносят плоды; следовательно, его замыслы начинают реализоваться или создаются условия для их реализации; в общем, всё происходит так, как он хотел бы.

***Delighted* 'восхищённый, обрадованный'**

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

сейчас произошло что-то очень хорошее

я не знал: это произойдёт

поэтому этот человек чувствует что-то хорошее

X чувствует что-то похожее

В толковании нет волитивного компонента ('я хочу этого'), что отражает как отсутствие изначального ожидания, так и отсутствие контроля. *Joy* также предусматривает отсутствие изначального ожидания, но, во-первых, оно вообще не предполагает какого бы то ни было ожидания, и во-вторых, у *joy* "хорошее событие" и «ожидание» совпадают по времени ('происходит что-то очень хорошее', 'я хочу этого'). Напротив, в случае *delighted* хорошее событие рассматривается как завершившееся ('произошло что-то хорошее'), и утверждение, что кто-то хочет какого-то хорошего прошедшего события, идёт в разрез с интуицией. Интересно, что высказывание «Нет!» по отношению к минувшим событиям (ср. *grief*) не противоречит интуиции.

***Excited* 'приятно возбуждённый'**

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

я знаю: со мной произойдёт что-то очень хорошее

я не знал об этом до настоящего момента

я хочу этого

поэтому я хочу что-нибудь сделать

я не могу думать ни о чём другом

поэтому этот человек чувствует что-то хорошее

X чувствует что-то похожее

Женщина, которая очень хотела иметь ребёнка, может быть *excited*, когда обнаружит, что она беременна. Она также может быть *excited* после рождения ребёнка – думая о людях, которым она покажет своего ребёнка, или о своей новой жизни – жизни матери. Но ребёнок будет расти, и её способность чувствовать *excited* по отношению к её первенцу должна будет неминуемо уменьшиться. Состояние *happiness*, конечно, может продолжаться, чего нельзя сказать про *ex-*

citement. Excitement обуславливается чем-то новым, и необходимо ожидание чего-то в будущем, даже если взволнованность вызвана чем-то, что уже произошло (произошло только что).

В ряде случаев *excited*, так же как и *upset*, обозначает пребывание в каком-то ненормальном состоянии. Человек не может 'думать о других вещах' и хочет 'что-нибудь сделать', но не способен контролировать свои мысли и направлять по верному руслу свою энергию. И всё же, в отличие от *upset*, конечное чувство – хорошее ('поэтому этот человек чувствует что-то хорошее').

Люди, которые делают плохие вещи

***Anger* 'гнев'**

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

этот человек сделал что-то плохое

я не хочу этого

поэтому я хочу что-нибудь сделать

поэтому я бы хотел сделать что-нибудь плохое этому человеку

поэтому этот человек чувствует что-то плохое

X чувствует что-то похожее

В прототипической ситуации 'anger' эмоция вызывается негативным суждением о чём-то совершённом кем-то ('этот человек сделал что-то плохое'). Такое суждение вызывает волевой ответ: отказ принять то, что случилось ('я не хочу этого') и желание действовать ('я хочу что-нибудь сделать'). Таким образом, отношение рассерженного человека является активным (он не приемлет ситуацию и поэтому хочет с этим что-нибудь сделать). Более точно, желание действовать принимает форму побуждения 'сделать что-нибудь плохое' виновнику, но, в отличие от ситуации *hatred* 'ненависть', этот импульс контролируется, и человек сдерживает себя: 'я БЫ хотел сделать что-нибудь плохое этому человеку' (ср. 'я хочу'). Но если внутренняя деятельность полностью подавляется, ситуации 'anger' больше не существует, по крайней мере, в обычном понимании (в противоположность профессиональному жаргону психологов, воспитателей и пр.).

***Indignation (indignant)* 'негодование – негодующий'**

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

теперь я знаю: кто-то сделал что-то плохое

я не думал: кто-то может сделать что-то подобное

я не хочу этого

поэтому я бы хотел что-нибудь сделать

я хочу сказать, что я об этом думаю

поэтому этот человек чувствует что-то плохое
X чувствует что-то похожее

Indignation похоже на *anger*, поскольку оно основано на суждении, что 'кто-то сделал что-то плохое', и оно скорее активно, чем пассивно. Однако в данном случае суждение в меньшей степени касается определённого человека ('кто-то', а не 'этот человек'), волевой импульс также в меньшей степени направлен против конкретного человека, и этот акт с меньшей вероятностью будет осуществлён.

Indignation, по-видимому, как-то связано с *surprise* 'удивляться' (и поскольку это удивление вызвано чем-то плохим, оно также соотносится с *dismay* 'смтение' и *shok* 'шок'). Мысль, лежащая в основе этой эмоции, – это не просто 'кто-то сделал что-то плохое', но «Как они могли сделать такое!» В толковании подобный элемент неожиданности передаётся при помощи компонента 'я не думал: кто-то может сделать что-то подобное'.

***Shocked* 'шокированный'**

X чувствует что-то
иногда человек думает примерно так:
сейчас что-то произошло
теперь я знаю: кто-то сделал что-то плохое
до этого я не думал: может произойти что-то подобное
я не знаю, что я могу подумать
поэтому этот человек чувствует что-то плохое
X чувствует что-то похожее

Шок (существительное *shock*) можно получить от любого события, но если кто-то шокирован (прилагательное *shocked*), то это обычно обусловлено неожиданным и «плохим» поведением других людей или его результатом. Осознание такого поведения происходит внезапно (хотя само по себе поведение могло иметь место ранее). Человек не только не ожидал этого, но и с трудом может в это поверить (похоже на ситуацию *amazement* 'изумление', но не *surprise* 'удивление'): 'я не знал до этого: подобное МОЖЕТ произойти'. Осознав это, экспериенцер попадет в замешательство, путается в словах и мыслях: 'я не знаю, что я могу подумать' (ср. *shell-shocked* 'контуженный'). У него нет никакого желания сделать что-нибудь, как в случае *anger* и даже *indignation*. Отношение пассивно, экспериенцер как будто «поражён» своим открытием и по крайней мере временно обречён на бездействие.

***Appalled* 'в ужасе'**

X чувствует что-то
иногда человек думает примерно так:
сейчас я знаю: произошло что-то плохое

кто-то сделал что-то очень плохое
я не думал: может произойти что-то подобное
я не хочу этого
поэтому я бы хотел что-нибудь сделать
поэтому этот человек чувствует что-то плохое
X чувствует что-то похожее

Appalled обычно указывает на что-то плохое, имевшее место в прошлом (например, чьи-то ужасающие условия жизни), и мыслится как результат чьих-то 'очень плохих' действий (или 'очень плохого' бездействия). Оно также может обозначать само 'очень плохое' действие, если последнее рассматривается как плохое событие. Например, если кто-то слышит, как маленькие дети говорят ужасные, отвратительные вещи о других людях, то он может прийти в ужас – не потому что их действие по всей вероятности вызывает ситуацию 'происходит что-то плохое', но потому что оно может пониматься как что-то плохое, что уже произошло.

Плохое действие, естественно, противоречит ожиданиям и выходит за рамки того, что мы мыслим возможным. В этом отношении *appalled* очень похоже на *shocked*. Но *appalled* не предполагает замешательства или ошарашивания ('я не знаю, что я могу подумать') и допускает идею о противодействии тому, что случилось ('я не хочу этого', 'поэтому я бы хотел что-нибудь сделать').

***Hurt* 'обида'**

X чувствует что-то
иногда человек думает примерно так:
этот человек сделал мне что-то плохое
я не думал: этот человек может сделать мне что-то подобное
поэтому этот человек чувствует что-то плохое
X чувствует что-то похожее

Hurt, как и *anger*, вызвано определённым человеком, но оно даже более персонально, чем *anger*: в данном случае происходит что-то плохое, что другой человек делает по отношению КО МНЕ. Плохое действие неожиданно, и в этом смысле *hurt* аналогично *shocked*, но в ситуации *hurt* подлинно неожиданным является не действие как таковое, а действие, рассматриваемое на фоне особого отношения: я не думал, что ЭТОТ ЧЕЛОВЕК сделает МНЕ что-то подобное. При этом интересно отметить, что вряд ли можно обижаться на врага; обычно мы обижаемся на друга. А может ли вообще обидеть нас прохожий? Это кажется невероятным, но не невозможным. Для того, чтобы не упустить эту возможность, А. Вежбицкая воздержалась от введения в толкование компонента 'я думал: этот человек хотел бы сделать мне что-то хорошее'. Как и в случае *shocked*, отсутствует побуждение к действию: в данном случае экспериенцер скорее «пациент», чем потенциальный агент.

Думая о себе

Многие эмоциональные концепты предполагают размышление о самом себе и оценку того, что мы сделали, чего мы не сделали и что другие люди могут подумать о нас.

Remorse 'угрызения совести'

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

я сделал что-то плохое

я знал: это плохо

я не могу не думать: это было плохо

я бы хотел, чтобы я не делал этого

поэтому этот человек чувствует что-то плохое

X чувствует что-то похожее

Remorse несомненно базируется на мысли 'я сделал что-то плохое'. В этом отношении оно как-то связано со старомодными понятиями типа *contrition* 'искреннее раскаяние' и *penance* 'покаяние'. Оно также связано с *regret* 'сожаление', поскольку *regret* подразумевает мысль 'я бы хотел, чтобы что-то могло произойти/не произойти', 'я знаю, что этого не может произойти'. Но *regret* может затрагивать как настоящее и будущее, так и минувшие события, в то время как *remorse* ограничено прошедшим.

Кроме того, *regret* может указывать на событие или положение дел, за которые мы не отвечаем и которые непосредственно нас не затрагивают, а *remorse* имеет отношение только к нашим собственным (намеренным) действиям. Например, болезнь какого-то человека и её последствия могут служить поводом для нашего *regret*, но вряд ли поводом для нашего *remorse*.

Guilt 'вина'

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

я сделал что-то

поэтому произошло что-то плохое

поэтому я не могу не думать о себе плохо

поэтому этот человек чувствует что-то плохое

X чувствует что-то похожее

Guilt очевидно близко связано с *remorse*, и часто они могут почти полностью заменять друг друга. И всё же *guilt* подразумевает нечто большее, чем просто сожаление о том, что я случайно или не случайно спровоцировал что-то пло-

хое ('я бы хотел, чтобы этого не произошло'). *Guilt* предполагает, что я чувствую какую-то ответственность и по совести я не считаю себя невиновным.

***Ashamed* 'стыдно'**

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

все могут знать что-то плохое обо мне

поэтому все могут думать плохо обо мне

я не хочу этого

поэтому я бы хотел что-нибудь сделать

я не знаю, что я могу сделать

я бы хотел, чтобы никто не узнал об этом

поэтому этот человек чувствует что-то плохое

X чувствует что-то похожее

В типичной ситуации нам стыдно за что-то плохое, совершённое нами, и *shame* часто идёт рука об руку с *remorse*. Но часто нам может быть стыдно за то, за что мы нив коем случае не отвечаем. Для того, чтобы учесть все возможности, А. Вежбицкая сформулировала первый когнитивный компонент в виде 'все могут знать что-то плохое обо мне' (ср. 'я сделал что-то плохое').

Понятие *shame*, конечно, больше ориентировано на то, что другие люди могут о нас подумать (чем на то, что они просто знают о нас), но плохое мнение, которого мы хотим избежать, должно основываться на знании, таким образом, именно это знание мы бы хотели не допустить на первый план ('я бы хотел, чтобы никто не узнал об этом'). Следовательно, мы бы хотели что-нибудь сделать, однако в общем случае мы не знаем, что бы мы могли сделать.

***Humiliated* 'униженный'**

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

со мной произошло что-то плохое

поэтому кто-то может думать плохо обо мне

я не могу не думать о себе плохо

я не хочу этого

поэтому я бы хотел что-нибудь сделать

я не могу ничего сделать

поэтому этот человек чувствует что-то плохое

X чувствует что-то похожее

Humiliation связано с *shame*, поскольку мы знаем что-то плохое, что люди могут о нас подумать. Тем не менее, *humiliation* – это не только взгляд постороннего, но и взгляд изнутри. В данном случае важны не только мысли других людей, но и наши собственные. Можно сказать, что *humiliation* понижает само-

оценку ('я не могу не думать о себе плохо'), и это не менее болезненно и нежелательно, чем когда тебя осуждают другие люди.

Ситуация, которая обуславливает наше унижение, не может заключаться в 'чём-то плохом', что сделали мы сами: отношение униженного человека обязательно является отношением жертвы ('со мной произошло что-то плохое'). *Shame*, которое во многих случаях является чем-то плохим, совершённым нами, часто можно сравнить с *remorse* и *guilt*, но не с *humiliate* – из-за того, что экспириенцер ни в коем случае не чувствует себя ответственным за плохое событие (несмотря на сопутствующее понижение самооценки). Следовательно, униженный человек находится в более беспомощном положении: 'я не могу ничего сделать' (*humiliation*) vs. 'я не знаю, что я могу сделать' (*shame*).

***Embarrassed* 'смущённый'**

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

сейчас со мной что-то произошло

поэтому сейчас кто-то может что-то обо мне подумать

я не хочу этого

поэтому я бы хотел что-нибудь сделать

я не знаю, что я могу сделать

поэтому этот человек чувствует что-то плохое

X чувствует что-то похожее

Embarrassed, подобно *humiliation*, связано с особой ситуацией, даже более определённой ('СЕЙЧАС со мной что-то произошло'). Оно также более преходящее и более ограничено во времени. *Embarrassment* скоротечно и ставит в центре внимания то, что люди думают о нас именно в настоящий момент, а не их возможное мнение в будущем. В любом случае, мнение людей о нас, которого мы бы хотели избежать, не обязательно плохое: например, мы можем оказаться *embarrassed*, когда нас публично хвалят или благодарят. Тот факт, что основное внимание обращено на нас, весьма нежелателен (и вызывает «плохое чувство»), и нам хотелось бы избежать «плохих мыслей» людей о нас.

***Pride* 'гордость'**

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

все могут знать что-то хорошее обо мне

поэтому все должны думать хорошо обо мне

я могу думать хорошо о себе

я хочу этого

поэтому этот человек чувствует что-то хорошее

X чувствует что-то похожее

В ряде случаев *pride* является зеркальным отражением *shame*. Возможно, единственное различие заключается в том, что *shame* в большей степени сосредоточено на других людях, в то время как у *pride* главную роль играет представление о себе. Таким образом, человек, которому стыдно, пытается скрыть что-то от других людей, а человек, который чувствует гордость, не обязательно стремится привлечь внимание других людей к тому, чем он гордится (может быть, ему достаточно самому наслаждаться этим). Следовательно, А. Вежбицкая постулирует для *pride* компонент 'я могу думать хорошо о себе' (аналогично для *humiliation* 'я должен думать плохо о себе'), в то время как для *shame* такого компонента не постулируется.

Другая возможная связь между *pride* и *humiliation* состоит в имплицитном сравнении с другими людьми. Быть может, для того, чтобы гордиться чем-то, человек должен чувствовать превосходство в некотором отношении над остальными людьми, а для того, чтобы быть униженным – чувствовать себя хуже остальных? Может быть, последние два понятия предполагают мысль вроде 'я не похож на других людей'? Во всяком случае, очевидно, что *shame* не предполагает таких сравнений.

***Triumph* 'триумф'**

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

я сделал что-то очень хорошее

все думали: ничего подобного не может произойти

все могут знать сейчас: это произошло

поэтому все должны думать очень хорошо обо мне

поэтому этот человек чувствует что-то очень хорошее

X чувствует что-то похожее

Triumph, как и *humiliation*, связано с особой ситуацией, в данном случае, с каким-то выдающимся и неожиданным достижением ('я сделал что-то очень хорошее'). Здесь нет сравнения с другими людьми. Если моё достижение рассматривается как выдающееся, то не с точки зрения сравнения с другими людьми, а с точки зрения ожиданий. Это, можно сказать, поразительное достижение ('все думали: ничего подобного не может произойти'). *Triumph* даже имеет оттенок какого-то унижения остальных людей: они не верили, что я могу сделать подобное, и теперь они оказались неправы ('теперь они знают: это произошло'). Кто-то торжествует НАД чем-то: над препятствиями, а может быть, и над ожиданиями других людей. *Triumph* требует публики: люди ДОЛЖНЫ (не могут не) думать очень хорошо о человеке вследствие того, что он сделал.

Тема 4. Модель Толково-комбинаторного словаря И.А. Мельчука

Печатается по: Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «СМЫСЛ ⇔ ТЕКСТ». – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – (Сер. Язык, семиотика, культура).

Основным орудием исследования и описания естественных языков И.А. Мельчук признает действующие модели типа «Смысл ⇔ Текст». Подобная модель некоторого конкретного языка – это сложно организованная совокупность правил, чисто механическое применение которых должно в идеале обеспечивать:

– переход от данного текста на рассматриваемом языке к формальному описанию смысла этого текста, т.е. к его семантическому представлению (= смысловой записи); разные, но интуитивно равнозначные (синонимичные) тексты должны получать одинаковые или хотя бы эквивалентные семантические представления, а текст, имеющий более одного смысла (омонимичный текст), – несколько разных семантических представлений;

– переход от данного смысла, т.е. от данного семантического представления, к тексту (на рассматриваемом языке), несущему этот смысл; если предложенный смысл можно выразить более чем одним способом, то для него должны строиться все синонимичные тексты.

И.А. Мельчук исходит из следующего тезиса:

Естественный язык – это особого рода преобразователь, выполняющий переработку заданных смыслов в соответствующие им тексты и заданных текстов в соответствующие им смыслы.

Другими словами, язык рассматривается автором как определенное соответствие между смыслами и текстами (или, что то же самое, как многозначное отображение множества смыслов на множество текстов) плюс некоторый механизм, «реализующий» это соответствие в виде конкретной процедуры, т.е. выполняющий переход от смыслов к текстам и обратно.

Общие требования, предъявляемые к моделям типа «Смысл ⇔ Текст»:

1. Модель «Смысл ⇔ Текст» должна быть действующей моделью. Она представляет собой устройство, имеющее вход и выход и перерабатывающее то, что подается ему на вход (задание), в нечто другое, что выдается на его выходе (результат). Принципиальная динамичность таких моделей резко противопоставлена статичности более традиционных классифицирующих (таксономических) описаний.

В модели «Смысл ⇔ Текст» различаются:

– «лингвистическая» часть, в которой собраны сведения о данном языке (т.е. соответствия «смыслы ⇔ тексты») и которая представляет собой *исчисле-*

ние, т.е. перечень разрешений и запрещений (что можно/нельзя делать), а не алгоритм, т.е. набор предписаний (что надо делать);

– «алгоритмическая» часть, в которой содержится описание механизма (или процедур) использования сведений о языке и которая поэтому носит действительно алгоритмический характер.

2. Модель «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» должна быть задана *совершенно формально* – посредством однозначных и логически последовательных формулировок, не требующих привлечения какой-либо добавочной информации. В качестве контрольного критерия выдвигается принципиальная осуществимость модели или любого ее фрагмента на вычислительной машине.

3. Модель «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» есть *не порождающее, а преобразующее устройство* – не генератор текстов, а транслятор смыслов в тексты и обратно. Этим она отличается от порождающей грамматики в смысле Хомского, цель которой – задавать (перечислять) все грамматически правильные (или все осмысленные) фразы привлекаемых языков. От модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» требуется только умение переработать в соответствующие тексты содержательно *любое* «смысловое задание» (при условии, разумеется, что оно представлено в том формальном виде, т.е. на том «смысловом» языке, который принят для данной модели) и наоборот – извлечь из заданного текста его «смысл» или «смыслы».

Не занимаясь самим смыслом, модель типа «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» отвечает за формальную правильность текстов и за правильное соответствие текстов и смыслов. Другими словами, такая модель обязана:

а) при движении от смысла к тексту исключать построение «абсолютно» неправильных фраз, а при обратном движении – обнаруживать «абсолютную» неправильность предъявленных фраз;

б) обеспечивать приписывание любому заданному смыслу ‘Ф’ всех правильных относительно этого смысла фраз Φ_i и только таких фраз, а также приписывание любой заданной фразе Φ всех смыслов ‘ Φ_i ’, относительно которых эта фраза является правильной, и только таких смыслов. (Мы говорим здесь именно о фразах просто для большей определенности; в действительности, имеются в виду смыслы и тексты любого объема.)

Мы резюмируем те важные аспекты рассмотрения естественных языков, от которых мы сознательно отвлекаемся, строя модель «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст»:

1. Язык моделируется только в плане преобразования «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» без учета других функций языка и его исторических, социальных и т.п. связей.

2. Язык как преобразователь «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» моделируется только в плане самих соответствий между смыслами и текстами без обращения к механизму, реализующему эти соответствия.

3. Язык моделируется сугубо функционально, без попыток связать нашу модель с психологической (нейрофизиологической и т.п.) реальностью речевого поведения.

4. Вся проблематика усвоения языка, приобретения и совершенствования языковых навыков оставлена в стороне.

5. Язык как преобразователь «Смысл ↔ Текст» моделируется вне связи с другими речевыми и «околоречевыми» системами, т.е. в отрыве от моделей «Действительность ↔ Смысл» и «Текст ↔ Речь».

6. «Обратная связь» между смысловым заданием и порождаемым текстом, возникающая в процессе говорения, не учитывается.

В настоящем варианте модель «Смысл ↔ Текст» предполагает следующие пять основных уровней представления.

1. *Семантический уровень* – изображение содержания связного фрагмента речи (= высказывания), без расчленения на фразы и слова, в виде так называемого *семантического представления*; это и есть запись *смысла*.

2. *Синтаксический уровень*, который в описываемой модели «Смысл ↔ Текст» расчленен на два подуровня:

2а. «*Глубинный синтаксис*» – изображение высказывания в виде последовательности глубинно-синтаксических представлений (ГСП) фраз.

2б. «*Поверхностный синтаксис*» – изображение высказывания в виде последовательности поверхностно-синтаксических представлений фраз (ПСП).

3. *Морфологический уровень* также расчленен на два подуровня:

3а. «*Глубинная морфология*» – изображение фразы в виде ее глубинно-морфологического представления (ГМП).

3б. «*Поверхностная морфология*» – изображение фразы в виде ее поверхностно-морфологического представления (ПМП).

4. *Фонологический уровень* – фонемная транскрипция фразы, т.е. последовательность символов, представляющих фонемы и просодемы (фонологически релевантные просодические явления).

5. *Фонетический уровень* – фонетическая транскрипция фразы, т.е. последовательность символов, представляющих звуки речи и просодические явления – просодии (словесные и фразовые ударения, тоны, интонации, паузы, стыки и т.п.).

Переходы от одного уровня представления высказывания к другому выполняются следующими четырьмя основными компонентами модели «Смысл ↔ Текст».

I. *Семантический компонент* должен обеспечивать установление соответствий между данным семантическим представлением и последовательностью глубинно-синтаксических представлений фраз, которые образовали бы текст, отвечающий этому семантическому представлению.

II. *Синтаксическому компоненту* поручаются соответствия между глубинно-синтаксическими представлениями фраз и их глубинно-морфологическими представлениями, которые состоят из цепочек глубинно-

морфологических представлений (ГМП) словоформ, отвечающих этим фразам, и сведений о просодических характеристиках фраз.

III. *Морфологический компонент* данной модели устанавливает соответствия между глубинно-морфологическим представлением отдельной словоформы и соответствующей словоформой в фонемной транскрипции.

IV. *Фонологический компонент*, к которому мы (достаточно условно) относим и графическо-орфографические правила, при синтезе преобразует фонемную транскрипцию словоформы либо в ее детализированное фонетическое представление, либо в принятую орфографическую запись, а при анализе выполняет обратные операции.

Каждый из четырех названных компонентов модели «Смысл ⇔ Текст» повторяет внутри себя строение всей модели. А именно, отдельный компонент модели также описывается как состоящий из нескольких независимых и работающих последовательно преобразователей, характеризующихся множественностью выходов; каждый перебирает результаты предыдущего, обрабатывая их, в свою очередь, один за другим.

Таким образом, можно сказать, что каждый компонент модели и каждый преобразователь внутри этого компонента суть *генераторы* либо синонимичных представлений данного содержания на более поверхностном уровне, либо взаимоисключающих толкований некоторого выражения на более глубинном уровне. Одновременно в каждом компоненте и в каждом преобразователе внутри компонента содержится *селектор* – набор сведений, позволяющих браковать недопустимые с точки зрения данного уровня варианты, выданные с предыдущего уровня.

Итак, идеализированная картина работы модели «Смысл ⇔ Текст» в обоих направлениях, т.е. от смысла к тексту и от текста к смыслу, такова: задание поступает на вход очередного преобразователя-генератора, который выдает для этого задания много в принципе возможных представлений следующего уровня; полученные результаты фильтруются селектором очередного преобразователя, который затем поочередно обрабатывает оставшиеся варианты, строя для каждого из них опять-таки много альтернативных представлений.

Модель «Смысл ⇔ Текст» существенным образом использует большое количество сведений о каждом слове рассматриваемого языка (в нашем случае русского). Эти сведения могут быть представлены в особом словаре, который мы называем *толково-комбинаторным словарем* (ТКС) и который занимает в описываемой модели важное место. Словарная статья такого словаря должна в идеале содержать все словоизменительные, словообразовательные, синтаксические, семантические и стилистические характеристики *заглавного*, или *ключевого*, слова C_0 ; кроме того, для C_0 необходимо указать все слова (или словосочетания), определенным образом связанные с ним по смыслу, а именно: 1) его «парадигматические варианты», или «замены», – средства, которые могут или должны заменять C_0 в тех или иных контекстах и при тех или иных условиях; 2)

его «синтагматические партнеры», или «*параметры*», – средства, которыми идиоматично, т.е. несвободно, выражаются при данном слове некоторые смыслы.

Для обозначения парадигматических вариантов и синтагматических партнеров слова мы будем использовать термин *лексические корреляты*. Стремление достаточно полно и систематически представить в словарной статье каждого слова все его лексические корреляты составляет одну из главных особенностей толково-комбинаторного словаря.

Зависимости, связывающие слова с их лексическими коррелятами, предлагается описывать с помощью *лексических функций* (ЛФ). Лексические функции вводятся как средство описания *лексической сочетаемости*, а не семантики; тем не менее мы можем представлять себе ЛФ как весьма общий, не всегда достаточно точно определенный смысл (в частности, «нулевой») – такой, что его нужное в данном речевом контексте выражение однозначно (с точностью до синонимии) выбирается по тому конкретному слову или словосочетанию S_0 , при котором или для которого этот смысл выражается.

Среди всевозможных лексических функций мы рассматриваем только те, у которых имеются *фразеологически связанные выражения*, т.е. те, у которых есть выражения, допустимые при одних аргументах, но не допустимые при других. (Такие ЛФ, у которых все выражения возможны при любых аргументах, или *ЛФ-константы*, не представляют содержательного интереса с точки зрения описания лексической сочетаемости.)

Среди ЛФ, имеющих фразеологически связанные выражения, различаются стандартные и нестандартные ЛФ.

Стандартная в данном языке лексическая функция (СЛФ) должна – в отличие от нестандартной ЛФ – удовлетворять двум следующим требованиям:

(1) СЛФ имеет достаточно широкую семантическую сочетаемость, т.е. соответствующий смысл образует допустимые комбинации с достаточно большим числом разных смыслов. Иначе говоря, СЛФ должна быть определена для достаточно большого числа аргументов. Это свойство не зависит от языка.

(2) СЛФ характеризуется достаточным богатством ее языковых выражений. Это свойство, разумеется, полностью зависит от языка.

Примером смысла, имеющего в русском языке (и целом ряде других языков) фразеологически связанные выражения и при этом удовлетворяющего обоим требованиям, является смысл ‘очень’ ($\approx$ ‘крайний’, ‘в высшей степени’); ясно, что он применим к огромному количеству слов (требование 1); при этом он имеет необычайно много разных выражений, например: ‘очень’ (*болен*) = *тяжело*; ‘очень’ (*здоров*) = *абсолютно, полностью, совершенно, как бык*; ‘очень’ (*отчаяние*) = *глубокое, полное*; ‘очень’ (*брюнетка*) = *жгучая*; ‘очень’ (*худой*) = *необычайно, как щепка, как скелет*; ‘очень’ (*мороз*) = *трескучий*; ‘очень’ (*бережь*) = *как зеницу ока*; ‘очень’ (*негодяй*) = *отъявленный...* (требование 2). Из этих иллюстраций непосредственно видно, что нужное выражение смысла ‘очень’ выбирается по ключевому слову, стоящему в скобках, т.е. является фразеологиче-

ски связанным. Таким образом, этот смысл должен быть признан стандартной лексической функцией.

Среди стандартных ЛФ выделен подкласс *простых* ЛФ, которым противопоставляются *сложные* ЛФ; эти последние строятся из простых.

Лексические функции обозначаются аббревиатурами, образованными от латинских слов. Так, функция, отвечающая смыслу ‘очень’, обозначается Magn – от лат. *magnus* ‘большой’. Применяется следующая запись: Magn (*брюнетка*) = *жгучая*; Magn (*рана*) = *тяжелая*; Magn (*знать*) = *назубок, как свои пять пальцев*. (Подобная запись читается так: «Magn от *брюнетка* – *жгучая*, Magn от *рана* – *тяжелая*» и т.п.)

Перечень лексических функций

1. **Syn** – синоним: слово, совпадающее со своим ключевым словом C_0 по смыслу, принадлежащее к той же части речи, что и C_0 , и имеющее такие же активные синтаксические валентности. Syn (*лингвистика*) = *языкознание, языковедение*; Syn (*огромный*) = *громадный*.

2. **Conv** – конверсив: слово, которое называет то же самое отношение, что и ключевое слово C_0 , но взятое «в ином направлении», т.е. с перестановкой тех же актантов на другие места (точнее: с изменением соответствия между семантическими переменными и глубинно-синтаксическими актантами). Conv₂₁ (*бояться*) = *страшить, пугать*; Conv₂₁ (*быть женой*) = *быть мужем*; Conv₃₂₁ (*купить*) = *продать*; Conv₃₂₁ (*преподавать*) = *учиться*. Регулярным способом образования конверсивов во многих языках является пассив: *Ученый проводит анализ* – *Анализ проводится ученым*.

3. **Anti** – антоним: слово, обозначающее свойство, состояние или действие, «противоположное» свойству, состоянию или действию, обозначенному ключевым словом C_0 . Anti (*горячий*) = *холодный*; Anti (*привязывать*) = *отвязывать*; Anti (*раньше*) = *позже*.

4. **Der** – синтаксический дериват: слово, совпадающее с C_0 по смыслу, но принадлежащее к другой части речи. Поскольку мы различаем четыре основные части речи: S – существительное, A – прилагательное, Adv – наречие и V – глагол, имеется четыре вида дериватов: **S₀**, **A₀**, **Adv₀** и **V₀**. S₀ (*вышивать*) = *вышивание*; A₀ (*учиться*) = *учебный*; Adv₀ (*обезьяна*) = *по-обезьянью*; V₀ (*рядом*) = *соседствовать*.

5. **Gener** – название понятия, родового по отношению к понятию, обозначенному ключевым словом C_0 . Gener (*лингвист*) = *ученый*; Gener (*желтый*) = *цвет*; Gener (*шептать*) = *говорить*.

Для всех дальнейших построений исключительно важным является понятие *ситуации*. Под ситуацией понимается определенное лексическое отражение (в данном языке) некоторого «куска» действительности. Каждая ситуация идентифицируется своим ключевым словом C_0 ; вообще говоря, одна и та же ситуа-

ция может обозначаться разными ключевыми словами, которые в таком случае являются либо синонимами, либо конверсивами, либо синтаксическими дериватами друг друга.

Ситуации, обозначаемые отдельными лексическими единицами естественных языков, имеют, как правило, от одного до четырех «смысловых» компонентов, или *семантических актантов* (обозначаемых заглавными латинскими буквами А, В, С, D или X, Y, Z, W). Так, ситуация 'спать' может быть обозначена ключевыми словами *спать* или *сон* [S_0 (*спать*) = *сон*; V_0 (*сон*) = *спать*]; это одноактантная ситуация: А – тот, кто спит. Пример четырехактантной ситуации – 'продажа' (*продажа/продавать*): А – продающий, В – товар, С – покупатель, D – цена товара. Возможны ситуации, вообще не имеющие семантических актантов: 'дождь', 'морозит'.

Каждой лексеме, являющейся именем ситуации (или связанной с какой-либо ситуацией более косвенным образом: например, называющей некий предмет, обычно используемый в этой ситуации), ставятся в соответствие *семантические актанты*, т.е. актанты этой ситуации. В то же время каждой такой лексеме сопоставляются *глубинно-синтаксические актанты* – ее зависимые (в глубинно-синтаксической структуре), соответствующие в конечном итоге подлежащему и сильным дополнениям (в случае, если данная лексема реализуется глаголом-сказуемым). (Глубинно-)синтаксические актанты нумеруются арабскими цифрами: 1, 2, 3, 4.

6. S_i ($i = 1, 2, 3, 4$) – типовое название i -го актанта. S_1 (*экзамен*) = *экзаменатор*; S_2 (*экзамен*) = *экзаменующийся*; S_1 (*игра*) = *игрок*; S_2 (*обслуживать*) = *клиент*; S_1 (*продавать*) = *продавец*; S_2 (*продавать*) = *товар*; S_3 (*продавать*) = *покупатель*; S_4 (*продавать*) = *цена, плата*; S_1 (*лекция*) = *лектор*; S_2 (*лекция*) = *слушатель, аудитория*; S_3 (*лекция*) = *тема, содержание*.

7. S_c – типовые названия второстепенных компонентов ситуации – *сирконстантов*, таких, как место, инструмент, способ действия и т.п.

S_{loc} – типовое название места осуществления данной ситуации (= 'то, где...'). S_{loc} (*борьба, бороться*) = *арена [борьбы]*; S_{loc} (*хранить очки*) = *футляр [для очков], очешник*; S_{loc} (*находятся тюлени*) = *лежбище [тюленей]*.

S_{instr} – типовое название инструмента, используемого в данной ситуации (= 'то, чем/посредством чего...'): S_{instr} (*борьба, бороться*) = *оружие, орудие [борьбы]*; S_{instr} (*убеждать*) = *довод, аргумент*; S_{instr} (*общаться, общение*) = *средство [общения], язык*.

S_{mod} – типовое название способа (манеры, характера) осуществления данной ситуации (= 'то, как...'): S_{mod} (*идти*) = *походка*; S_{mod} (*язык [речь]*) = *структура, строй [языка]*; S_{mod} (*вести себя*) = *поведение*.

S_{res} – типовое название результата данной ситуации (= 'то, что получается...'): S_{res} (*реферировать*) = *реферат*; S_{res} (*разваливаться*) = *развалины*; S_{res} (*лопаться, трескаться*) = *трещина*.

S_{loc} , S_{instr} , S_{mod} и S_{res} , с одной стороны, и S_0 , S_1 , S_2 , S_3 – с другой, часто сов-

падают друг с другом, ср. *мойка* = S_0 и S_{loc} от *мыть*, *зажигание* = S_0 и S_{instr} , *поведение* = S_0 и S_{mod} , *вышивание* = S_0 и S_{res} , *смазка* = S_0 и S_3 , *требование* = S_0 и S_2 и т.п.

8. Соотносительные лексические функции **Sing** (лат. *singulus* 'отдельный'; «единичность») – типовое название одной «штуки», одного «кванта» некоторого C_0 – и **Mult** (лат. *multum* 'множество'; «множественность») – типовое название совокупности, множества C_0 . Sing (*смотреть*) = *взглянуть*; Sing (*капуста*) = *кочан*; Sing (*дождь*) = *капли, струи*; Mult (*лошадь*) = *табун, косяк*; Mult (*корабль*) = *флот*; Mult (*самолет*) = *авиация*.

9. **Figur** («фигуральное обозначение») – принятая метафора для C_0 . Figur (*саатира*) = *жало, бич [саатиры]*; Figur (*сон*) = *объятия [сна]*; Figur (*заговор*) = *нити*.

10. **Centr** («центр», «разгар») – типовое обозначение «центральной» части предмета или процесса. Centr (*лес*) = *чаща, глушь*; Centr (*море*) = *открытое море*; Centr (*блаженство*) = *верх*.

11. A_i ($i = 1, \dots, 4$) – типовое определение i -го актанта по его реальной роли в ситуации («такой, который...», «такой, которого...»): A_1 (*вредить*) = *вредный*; A_1 (*усы*) = *с [усами], усатый*; A_1 (*обедать*) = *за [обедом], обедающий*; A_2 (*знать*) = *известный*; A_2 (*руководить*) = *под [руководством]*, A_2 (*любить*) = *любимый*. Регулярным способом образования A_1 и A_2 являются действительные и страдательные причастия.

12. **Able_i** (лат. *habilis* 'способный', «способный»; $i = 1, \dots, 4$) – типовое определение i -го актанта по его потенциальной роли в ситуации («такой, который может...», «такой, которого можно...»): Able₁ (*изменяться*) = *изменчивый*; Able₁ (*гнутья*) = *гибкий*; Able₁ (*гореть*) = *горючий*; Able₂ (*есть*) = *съедобный*; Able₂ (*гнутья*) = *гибкий*; Able₂ (*прощать*) = *простительный*.

13. **Magn₀** и **Magn_i** (лат. *magnus* 'большой'; $i = 1, \dots, 4$) – обозначение 'высокой степени', 'интенсивности' ($\approx$ 'очень') самой ситуации (Magn₀) или ее i -го актанта (Magn_i): Magn₀ (*молчание*) = *абсолютное, полное, гробовое*; Magn₀ (*кричать*) = *громко, изо всех сил, во все горло*; Magn₀ (*спать*) = *крепко, как убитый, без задних ног, богатырским сном, мертвым сном, сном праведника, сном младенца*; Magn₁ (*признание*) = *всеобщее*; Magn₂ (*обыски*) = *повальные*.

14. **Ver** (лат. *verus* 'истинный') – 'правильный', 'соответствующий назначению', 'какой следует': Ver (*догадка*) = *верная, правильная*; Ver (*шутка*) = *уместная, кстати*; Ver (*гордость*) = *законная*.

15. **Von** (лат. *bonus* 'хороший') – 'хороший': Von (*учебное заведение*) = *первоклассное*; Von (*случайность*) = *счастливая*; Von (*влияние*) = *благодетельное*.

16. **Adv_{ix}** ($i = 1, \dots, 4$; $x = A, B, C, D$) – имя ситуации в роли определения при глаголе, называющем другую ситуацию. Adv_{1A} (*сопровождать*) = *вместе с*; Adv_{1A} (*представляться*) = *как представляется*; Adv_{1B} (*ошибаться*) = *ошибочно, неправильно*; Adv_{1B} (*спешить*) = *спешно*; Adv_{1B} (*полагать*) = *по мнению, как полагает[-ют]*.

17. **Loc** (лат. *locus* 'место') – предлог типовой локализации (пространст-

венной, временной или абстрактной). Под типовой локализацией понимается наиболее «прямое», наиболее «естественное» расположение, т.е. расположение, наиболее соответствующее природе и назначению «вещи», обозначенной ключевым словом – S_0 . Лос (*завод*) = на (+ $S_{предл}$); Лос (*театр*) = в (+ $S_{предл}$); Лос (*утро*) = тв. пад. [*утром*]; Лос (*каждый день*) = вин. пад.; Лос (*8 марта*) = род. пад.

18. **Oper₁, Oper₂** (лат. *operari* ‘совершать’) – глагол, связывающий название первого (соответственно второго) актанта в роли подлежащего с названием ситуации в роли первого дополнения. Oper₁ (*решение*) = *принимать*; Oper₁ (*помощь, поддержка*) = *оказывать*; Oper₁ (*растерянность*) = *быть в*; Oper₂ (*травма, совет*) = *получать*; Oper₂ (*экзамен*) = *держат, сдавать*; Oper₂ (*поддержка*) = *находить, встречать*.

19. **Func₀, Func₁, Func₂** (лат. *functio* ‘исполнение’) – глагол, имеющий название ситуации подлежащим, а названия актантов, если они есть, – дополнениями. Func₀ (*война, дождь*) = *идти*; Func₀ (*ветер*) = *дуть*; Func₀ (*тишина*) = *стоять, царить*; Func₁ (*заслуга*) = *принадлежать*; Func₁ (*приказ*) = *исходить от*; Func₁ (*тоска*) = *гложет; быть у*; Func₂ (*возмездие*) = *настигать*; Func₂ (*кара*) = *постигать*; Func₂ (*власть*) = *распространяться на*.

20. **Labor₁₂** – глагол, связывающий название первого актанта в роли подлежащего, с названием второго актанта в роли первого дополнения и с названием ситуации в роли второго дополнения: Labor₁₂ (*приветствия, побои*) = *осыпать*; Labor₁₂ (*заботы*) = *окружать*; Labor₁₂ (*власть*) = *иметь под, иметь во, держать под*.

Параметры 21-23 (см. ниже), т.е. Caus, Perm и Liq, родственны в том отношении, что все три обозначают действия, связанные с «созданием» / «уничтожением» ситуации S_0 .

21. **Caus** (лат. *causa* ‘причина’) – ‘делать так, чтобы...’, ‘каузировать’. Подлежащим при Caus (без актантных индексов) обязано быть название неучастника ситуации. Caus (*спать*) = *усыплять, убаюкивать*; Caus (*свитер*) = *вязать*; Caus (*соглашаться*) = *убеждать, уговаривать*.

22. **Perm** (лат. *permittere* ‘позволять’) – ‘не делать так, чтобы не...’. Perm относится к Caus приблизительно так, как англ. *let* к *take* (*let smb. go – take smb. go*) или русск. *отпускать* (кого куда) к *посылать, впускать* к *вводить, ронять* к *бросать*. Perm (*высказываться, выступать*) = *предоставлять слово*; Perm (*въезд*) = *разрешать*; Perm (*пройти*) = *позволять, давать, пропускать*.

23. **Liq** («ликвидировать») – ‘делать так, чтобы не’, ‘каузировать не’. Иначе говоря, Liq = Caus не. Таким образом, Caus, Liq и Perm связаны по смыслу следующим образом: Liq = Caus не, Perm = не Caus не. Liq (*спать*) = *будить*; Liq (*полагать*) = *разубеждать*.

Параметры 24-26 (см. ниже), т.е. Incip (лат. *incipere* ‘начинать’), Cont (лат. *continuarere* ‘продолжать’) и Fin (лат. *finire* ‘кончать’) со значениями ‘начинать’,

‘продолжать’ и ‘переставать’, соответственно, соотносятся по смыслу точно так же, как Caus, Perm и Liq, а именно: Cont = не Incep не, а Fin = Incep не. Incep, Cont и Fin отдельно выступают только при глаголах; в остальных случаях они входят в состав сложных параметров.

24. **Incep** – ‘начинать’: Incep (*дружить*) = *подружиться*; Incep (*спать*) = *засыпать*; Incep (*жить* [*проживать*]) = *селиться*.

25. **Cont** – ‘продолжать’ = ‘не переставать’ = ‘не начинать не’: Cont (*напряженность*) = *сохраняться*; Cont (*запах*) = *держаться*; Cont (*пост*) = *оставаться на*.

26. **Fin** – ‘переставать’ = ‘начинать не’: Fin (*помнить*) = *забывать*; Fin (*спать*) = *проснуться, пробуждаться*; Fin (*жить*) = *умирать*; Fin (*жить* [*проживать*]) = *уезжать, выезжать*.

27. **Perf** («перфектив») – завершенность действия, достижение им своего естественного предела. Отдельного самостоятельного выражения параметр Perf в русском языке не имеет; как правило, это значение передается формами совершенного: *одеваться* – *одеться*, *ломать* – *сломать*, *умирать* – *умереть*, *выковыривать* – *выковырять* и т.п. (хотя, разумеется, далеко не всякая форма совершенного вида выражает именно Perf: так, не только это значение имеют формы типа *поспать*, *проспать*, *недоспать*).

28. **Result** («результатив») – ‘состояние в результате...’; этот параметр, как и Perf, имеет в русском языке только склеенное выражение: Perf (*ложиться*) = *лечь*, Result (*ложиться*) = *лежать*; Perf (*вставать*) = *встать*, Result (*вставать*) = *стоять*; Perf (*учиться*) = *научиться*, Result (*учиться*) = *уметь*.

Из Perf(C₀) логически следует Result(C₀), но обратное, вообще говоря, неверно, поскольку один и тот же результат может быть достигнут разными путями. Поэтому преобразование Perf(C₀) => Result(C₀) применимо лишь в одну сторону: *купил книгу* => *имеет книгу*; при этом преобразовании утрачивается информация о способе достижения результирующего состояния или вообще о самом факте достижения этого состояния.

29. **Factⁱ** (лат. *factum* ‘факт’) – ‘реализоваться’, ‘выполниться’ («стать фактом»). Имеется в виду осуществление «требования» (эксплицитного или имплицитного), содержащегося в значении слова C₀. Верхний индекс (римские цифры) представляет, если это надо, степень осуществления подразумеваемого требования, причем меньший индекс присваивается более низкой степени. Fact (*искушение*) = *брать верх*; Fact (*испытания*) = *проходить успешно*; Fact (*мечты, надежды*) = *сбываться*; Fact^I (*капкан*) = *срабатывать*, Fact^{II} (*капкан*) = *поймать*; Fact^I (*чувство*) = *говорить, подсказывать*, Fact^{II} (*чувство*) = *заставлять, не позволять (не)*.

30. **Realⁱ_{1,2}** – ‘реализовать’, ‘выполнить’ («требование», содержащееся в C₀). Индекс *j* имеет то же значение, что и выше – степень выполнения; нижний индекс обозначает глубинно-синтаксический акт, выполняющий требование. Real^I₁ (*долг* [*денежный*]) = *признавать*, Real^{II}₁ (*долг* [*денежный*]) = *платить*,

возвращать, погашать; Real^I₂ (приглашение) = принимать, Real^{II}₂ (приглашение) = следовать, воспользоваться; Real^I₂ (совет) = принимать, Real^{II}₂ (совет) = следовать, выполнять; Real^I₂ (предложение) = одобрять, принимать, соглашаться, Real^{II}₂ (предложение) = следовать, выполнять, проводить в жизнь.

31. **Prepar^j** (лат. *preparare* 'готовить') – 'приводить в полную готовность к' (употреблению, функционированию и т.п.). Индекс *j*, как при Fact и Real, показывает степень готовности. Prepar^I (ружье) = заряжать, Prepar^{II} (ружье) = взводить курок; Prepar^I (патефон) = заводить, Prepar^{II} (патефон) = ставить пластинку на; Prepar^I (кофе) = варить, Prepar^{II} (кофе) = подавать (на стол).

32. **Degrad** («деградировать») – 'портиться', 'выходить из строя', 'начинать быть не таким, как следует', 'начинать быть хуже'. Degrad (хлеб) = черстветь, плесневеть; Degrad (дисциплина) = расшатываться, падать; Degrad (нервы) = истрепаться, сдавать.

33. **Imper** («императив») – значение «повеления»; регулярное (грамматическое) выражение Imper у глаголов – повелительное наклонение. Imper (уходить) = брысь! | кошке; кыш! | птицам; вон!; Imper (не шуметь) = тихо!, тише!, тс-с-с!, ти-ш-ш!, ш-ш-ш-!; Imper (спать) = баю-бай, баюшки-баю! | детям и т.д.

34. **Son** (лат. *sonit* 'звук') – название типового звучания C₀. Son (корова) = мычать; му-у-у; Son (телефон) = звонить; Son (выстрел) = грянуть, раздаваться, слышаться.

До сих пор мы приводили достаточно абстрактные лексические функции, имеющие более или менее широкую сочетаемость. Имеется, кроме того, ряд более конкретных лексических функций, определенных лишь для сравнительно узких групп слов и тем самым приближающихся к нестандартным ЛФ. Таковы, например, следующие лексические функции.

35. **Destr** (лат. *destruere* 'разрушать') – типовое название «агрессивного» действия C₀: корова бодает, оса жалит, болото засасывает <затягивает>.

36. **Cap** (лат. *capit* 'голова', 'глава') – 'начальник': декан факультета, ректор университета, заведующий кафедрой, настоятель собора, директор школы <завода>, командир отряда, глава семьи <правительства>, вождь племени.

37. **Equip** – 'личный состав': расчет орудия, экипаж танка, труппа театра, население государства <города>.

38. **Doc** – 'документ'; различаются три вида Doc:

Doc_{res} – 'документ, являющийся результатом [«воплощающий в себе»] C₀': отчитываться – отчет; жаловаться – жалоба; просить – просьба, прошение, ходатайство, заявление, отношение.

Doc_{perm} – 'документ на право...': поезд – (проездной) билет; автомобиль – (водительские) права; входить – пропуск.

Doc_{cert} – 'документ, удостоверяющий...': свидетельство о браке, диплом о высшем образовании, аттестат зрелости, паспорт, удостоверение личности, командировочное удостоверение, справка о болезни.

39. **Attr** («атрибут») – типовая метонимия для C_0 : **Attr** (*учащийся, школьник*) = *парта*; **Attr** (*брак [женитьба]*) = *венец, аналой; обручальное кольцо; загс*; **Attr** (*актер*) = *цена*.

Помимо перечисленных выше простых лексических функций для описания лексической сочетаемости должны использоваться и их комбинации – *сложные* функции, поскольку идиоматичное выражение часто имеют не отдельные смыслы, отвечающие лексическим функциям, а их сочетания, взятые как одно целое. Примеры сложных функций (ключевое слово выделено курсивом):

AntiReal₂: отклонять *ходатайство*, проваливать *экзамен*, пренебрегать *советом*.

AntiMagn: жидкие *аплодисменты*, слабые *доводы*, низкая *температура*.

AntiVer: лживое *обещание*, ошибочное *представление*, безосновательные *опасения*.

IncepOper₁: приобретать *популярность*, впадать в *отчаяние*, переходить в *пике*.

IncepOper₂: поступать в *продажу*, попадать под *обстрел*, снискать *уважение*.

CausOper₂: сдавать в *эксплуатацию*, ввергать в *рабство*, пускать в *обращение*.

LiquOper₂: освобождать от *опеки*, лишать *покровительства*, изымать из *обращения*.

IncepFunc₀: завод вступил в строй.

LiquFunc₀: перерезать *дорогу*, выводить из строя *завод*, останавливать *движение* (транспорта).

О ТОЛКОВО-КОМБИНАТОРНОМ СЛОВАРЕ

Словарные статьи толково-комбинаторного словаря (ТКС) строятся по следующей схеме:

1) заглавное слово; 2) морфологическая информация; 3) толкование; 4) модель управления (семантико-синтаксические валентности) и условия ее реализации; 5) языковые примеры к модели управления; 6) стандартные лексические функции; 7) нестандартные лексические функции; 8) «лексический мир» заглавного слова; 9) иллюстративная часть; 10) фразеология; 11) сопоставительная часть.

Пример словарной статьи

ПОБЕЖДАТЬ

ПОБЕЖДА́ | ТЬ *X побеждает Y-а в Z* = X начинает иметь окончательный успех в борьбе против Y-а в Z [X ← Real₁(бороться)]

1 = X [кто побеждает]	2 = Y [кого побеждают]	3 = Z [вид борьбы]
S _{им}	S _{вин}	в S _{предл}

Кембрия победила Мурак в Сорокапятилетней войне.

Syn : брать <одерживать> верх; побить; пересиливать, побороть, пре-возмогать; наша взяла! [= мы победили]

Conv₁₃₂ : выигрывать

Conv₂₃₁ : проигрывать

Anti : Oper₁ + поражение

A₀ : победный, победоносный

Able₁ : победоносный

Magn₂Able₁ : всепобеждающий | с абстрактными S

AntiAble₂ : непобедимый

Magn : окончательно, полностью // положить <уложить> на (обе) лопатки [в борьбе; перен. о споре и т.п.]; поставить на колени [в реальной и жизненно важной борьбе]

Perf : победить

S₀Perf : победа

S₁Perf : // победитель

S₂Perf : // побежденный

A₁Perf : победоносный

A₂Perf : побежденный, поверженный

Adv₁Perf : с победой

Result : (вос)торжествовать

легко П. : легко, без труда, малой кровью

П. в действии Р : пере-Р [перекричать, переплясать; переиграть]

Шестая дивизия победила в бою за переправу = ... выиграла бой за переправу. Хотя он и перекричал всех, он никого не переспорил = ... не победил в споре. В последнем матче победила <= взяла верх> команда из Инакуру. Ура, мы победили! = Ура, наша взяла!

Ср. также ГРОМИТЬ.

В рамках существующей лексикографической номенклатуры определить жанр предлагаемого словаря оказывается затруднительным. В самом деле, в нем явным образом совмещены принципы того, что принято называть толковым словарем, гнездовым словарем (ср. подачу в словарной статье всех производных заглавного слова), словарем синонимов (ср. сведения о синонимах и антонимах, а также сопоставительную часть), идеологическим словарем, словарем сочетаемости и синтаксических моделей, словарем неправильностей и т.п.

Такая многоаспектность словаря оказалась естественным результатом попытки последовательно провести следующий простой и общий принцип: словарь должен давать в явном виде всю информацию, необходимую для построения и понимания любых высказываний на данном языке. Иными словами, в словаре предлагается с самого начала видеть не просто справочник без достаточно конкретизированного адреса и назначения, а орудие для выполнения строго определенной задачи; именно данный словарь (ТКС) должен лексикографически обеспечивать работу модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст».

В сущности, ТКС стоит ближе всего к толковым словарям, где так или иначе отражаются лексическая сочетаемость и синтаксические свойства слов, их производные, их связи с синонимами и антонимами и т.п. ТКС представляет собой продукт естественного развития этих принципов, отличаясь от обычных толковых словарей фактически лишь четким осознанием задачи и вытекающей отсюда последовательностью организации материала.

СОДЕРЖАНИЕ

Тема 1. Понятие формальной модели. Классификация моделей
3

Тема 2. История разработки формальных моделей
5

Тема 3. Семантический язык Анны Вежбицкой
19

Тема 4. Модель Толково-комбинаторного словаря И.А. Мельчука
41

Учебное издание

Медведева Татьяна Николаевна

ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ В ЛИНГВИСТИКЕ

Учебное пособие

Подписано в печать   Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризопечатать.
Усл. печ. л.   . Уч.-изд. л.   Тираж 300 экз. Заказ

ООО «Издательский центр «Наука»»
410600, г. Саратов, ул. Пугачевская, 117, к. 50

Отпечатано в типографии «Эстамп». Тел. (8452) 37-47-85
10028, г. Саратов, ул. Заулошнова, д. 3, оф. 108